

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

*К 200-летию
Азиатского Музея — Института восточных рукописей РАН*

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

CL

Серия основана в 1965 году

Наука – Восточная литература

СЛОВАРИ КЯХТИНСКОГО ПИДЖИНА

Перевод с китайского,
публикация, транскрипция, исследование
и приложения
И.Ф. Поповой и Таката Токио

Москва
2017

УДК 811.161.1'373+811.581'373
ББК 81.2Рус-4+81.2Кит-4
С48

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А.Б.Куделин (председатель), *И.Ф.Попова* (зам. председателя),
Н.С.Яхонтова (секретарь), *В.М.Алтаев*, *С.М.Аникеева*,
М.И.Воробьева-Десятовская, *М.А.Дандамаев*, *Ю.А.Иоаннесян*,
В.С.Мясников, *М.Б.Пиотровский*, *С.М.Прозоров*,
И.М.Стеблин-Каменский, *А.Ф.Троцевич*, *А.Д.Цендина*,
О.М.Чунакова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Фуданьского университета
“Introduction of talent research start-up fund of Fudan University”
復旦大學引進人才科研啟動資助 (IDH3154042)

Рецензенты

А.А. Бурькин, П.О. Рыкин

Словари кяхтинского пиджина / пер. с китайского, публикация, транскрипция, исследование и приложения И.Ф. Поповой и Таката Токио ; Ин-т восточных рукописей (Азиатский Музей) РАН. — М. : Наука — Вост. лит., 2017. — 603 с.: факсимиле. (Памятники письменности Востока. CL / редкол.: А.Б. Куделин (пред.) и др.) — ISBN 978-5-02-036552-0

Издание представляет собой публикацию трех уникальных рукописных словарей кяхтинского (маймайченского) пиджина: (А) из собрания Института восточных рукописей РАН, инв. С-59; (В) хранящегося в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, инв. Хул.Ф-56; (С) из фондов Научной библиотеки Иркутского областного краеведческого музея, инв. 53856. Эти письменные памятники, прежде не привлекавшие исследовательского внимания, являются ценным материалом для изучения русско-китайского контактного языка, который сложился в XVIII в. в главных приграничных торговых пунктах Российской и Цинской империй — Кяхте и Маймайчене и отразил особенности состояния современного ему русского и китайского языков (включая шаньсийский диалект), а также торговых и культурных взаимоотношений России и Китая. Дошедшие до наших дней словари кяхтинского пиджина, в которых русские слова даны в передаче китайскими иероглифами, являются уникальным источником для изучения как исчезнувших, так и ныне существующих контактных языков.

© Попова И.Ф., Таката Токио, перевод,
публикация, исследование, приложения,
2017

© Наука — Восточная литература, 2017

ISBN 978-5-02-036552-0

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959–1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Каталог серийных изданий. 1959–1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1987.
- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1992.
- XXXII, 7. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина. Коммент. Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. Предисл. Р.В.Вяткина. М., 1996.
- XXXII, 8. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VIII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина и А.М.Карапетьянца, коммент. Р.В.Вяткина, А.Р.Вяткина и А.М.Карапетьянца, вступит. статья Р.В.Вяткина. М., 2002.
- XXXII, 9. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IX. Пер. с китайского и коммент. под ред. А.Р.Вяткина, вступит. статья А.Р.Вяткина. М., 2010.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян. М., 1986.
- LXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г.М.Бонгард-Левина и М.И.Воробьевой-Десятовской. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXIV).
- LXXIII, 3. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М.Бонгард-Левина, М.И.Воробьевой-Десятовской, Э.Н.Темкина. М., 2004 (Bibliotheca Buddhica. XL).
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступит. статья С.С.Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И.Е.Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987.
- LXXXI, 1–4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4 кн.
Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1–7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8–12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13–20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Саньцзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л.К.Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. ‘Аджа’иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л.П.Смирновой. М., 1993.
- LXXXIV. ‘Али ибн Мухаммад ибн ‘Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С.М.Прозорова. М., 1988.

- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-дипика («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и историко-философские исслед. Е.П.Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.И.Рудого. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXV).
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прил. К.Б.Келинг. М., 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А.В.Парибка. М., 1989 (Bibliotheca Buddhica. XXXVI).
- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н.Г.Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А.Г.Сазыкина. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXVII).
- XCI. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, введ. и примеч. Е.И.Васильевой. М., 1990.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О.М.Чунаковой. М., 1991.
- XCV. Кабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа и коммент. Н.Б.Гафуровой, введ. Н.Б.Гафуровой и Н.М.Сазановой. М., 1992.
- XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Каранская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М.Н.Зислина. М., 1990.
- XCVII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л.М.Ермаковой. М., 1991.
- XCVIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с персидского А.Н.Болдырева при участии С.Е.Григорьева. Введ. А.Н.Болдырева и С.Е.Григорьева. Примеч. и прил. С.Е.Григорьева. М., 1997.
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел 1. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М.Е.Ермакова. М., 1991 (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).
- C. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Подмапуран). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 1992.
- СII. Каталог Петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслитерация и указатели З.К.Касьяненко. М., 1993 (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- CIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьях (Китаб ал-кудат). Пер. с арабского, предисл. и примеч. К.А.Бойко. М., 1992.
- CV, 1. Угаритский эпос. Введ., пер. с угаритского и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1993.
- CV, 2. О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. Пер. с угаритского, введ. и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1999.
- CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'дjam фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с персидского, введ. и коммент. Н.Ю.Чалисовой. М., 1997.
- CVII. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с арабского, коммент. и введ. З.М.Бунятова. М., 1996.
- CIX. Классическая йога («Йога-сутры») Патанджали и «Вьяса-бхашья»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П.Островской и В.И.Рудого. М., 1992.
- CX. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-му-лук). Пер. с персидского, предисл. и коммент. Л.П.Смирновой. М., 2000.
- CXI. Ватсьяна Малланага. Камасутра. Пер. с санскрита, вступит. статья и коммент. А.Я.Сыркина. М., 1993.
- CXII. Джаядева. Гитаговинда. Пер. с санскрита, вступит. статья, коммент. и прил. А.Я.Сыркина. М., 1995.
- CXIII, 1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 1. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 1997.

- CXIII, 2. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин лой цзи цзе фу ли). Часть 2. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2002.
- CXIII, 3. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин лой цзи цзе фу ли). Часть 3. Пер. с китайского, введ., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2012.
- CXIV. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворенные основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М., 1997.
- CXV. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указатели Е.Б.Смагиной. М., 1998.
- CXVI. Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Пер. с арабского В.В.Матвеева, Л.Е.Куббеля, М.А.Толмачевой при участии Н.А.Добронравина. Предисл. М.А.Толмачевой. Издание подготовлено Н.А.Добронравиним и В.А.Поповым. М., 2002.
- CXVII. Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с тангутского, вступит. статья, коммент. и словарь Е.И.Кычанова. М., 2000.
- CXVIII. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского, введ., коммент., прил. А.Д.Цендиной. М., 1999.
- CXIX. Манихейские рукописи из Восточного Туркестана. Среднеперсидские и парфянские фрагменты. Введ., транслитерация, перевод, коммент., прил. О.М.Чунаковой. М., 2011.
- CXX. Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи. Транслитерация, введение, пер. с ойратского, словарь с коммент., прил. Н.С.Яхонтовой. М., 2010.
- CXXI. Смешанные знаки [трех частей мироздания]. Факсимиле ксилографа. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П.Терентьева-Катанского под ред. М.В.Софронова. Реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М.В.Софронова. М., 2002.
- CXXII. О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с китайского А.С.Мартынова и И.Т.Зограф, вступит. статья и коммент. к пер. А.С.Мартынова, грам. очерк И.Т.Зограф. М., 2002.
- CXXIII. Сутры философии Ньяя (Ньяя-сутры и Ньяя-бхашья). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.К.Шохина. М., 2001.
- CXXIV. Толкование Корана (Лахорский тафсир). Пер. с персидского, примеч. и указ. Ф.И.Абдуллаевой. М., 2001.
- CXXXV, 1. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. Пер. с китайского, введ. и коммент. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- CXXXV, 2. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. II. Пер. с китайского, коммент. и прил. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- CXXXVI. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М.Чунаковой. М., 2001.
- CXXXVII. Сутра Общины белого лотоса: тюркская версия. Факсимиле рукописи. Транскрипция текста. Пер. с раннесредневекового тюркского языка, предисл., примеч., указ. слов Л.Ю.Тугушевой. М., 2008.
- CXXXVIII, 1. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 томах. Т. 1. Пер. с араб. А.Р.Рустомова под ред. И.В.Кормушина, предисл. и введ. И.В.Кормушина, примеч. И.В.Кормушина, Е.А.Поцелуевского, А.Р.Рустомова. М., 2010.
- CXXXVIII, 2. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 томах. Т. 2. Пер. с араб. А.Р.Рустомова под ред. И.В.Кормушина, предисл. И.В.Кормушина, примеч. И.В.Кормушина, Е.А.Поцелуевского, А.Р.Рустомова. М., 2016.
- CXXXIX. Повесть о махарадже Маракарме. Факсимиле рукописи. Транслитерация, пер. с малайского, исслед., коммент. и прил. Л.В.Горяевой. М., 2008.
- CXXXX, 1. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю.Леонова, А.В.Никитина. Предисл., вступит. ст., коммент. и указ. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина при участии В.И.Антощенко, М.Ю.Ульянова, А.Л.Федорина. М., 2002.
- CXXXX, 2. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 2. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина и А.Л.Федорина. Вступит. статья А.Л.Федорина. М., 2010.
- CXXXX, 3. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 3. Пер. с ханвьета и коммент. К.Ю.Леонова и А.Л.Федорина при участии М.Ю.Ульянова, предисл., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2012.

- CXXX, 5. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 5. Пер. с ханвьета, коммент., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2014.
- CXXXI. Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю.Ульянова. М., 2001.
- CXXXII. Вишну-смрити. Пер. с санскрита, предисл., коммент. и прил. Н.А.Корнеевой. М., 2007.
- CXXXIII. Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского А.Д.Цендиной. Транслитерация, предисл., коммент., глоссарий и указ. А.Г.Сазыкина, А.Д.Цендиной. М., 2003.
- CXXXIV. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди (Чондимонгол). Сказание о Дхонопоти (Дхонопоти упакхан). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 2004.
- CXXXV, 1. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 1. Книги I–VII. М., 2005.
- CXXXV, 2. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 2. Книги VIII–XII. М., 2007.
- CXXXV, 3. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 3. Книги XIII–XIX. М., 2010.
- CXXXVI, 1. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 1. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С.Кучеры. М., 2010.
- CXXXVI, 2. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 2. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С.Кучеры. М., 2017.
- CXXXVII. Памятники малайской книжности XV–XVII вв.: Повесть о победоносных Пандавах; Бухари ал-Джаухари. Корона царей. Пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л.В.Горяевой. М., 2011.
- CXXXVIII. Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана. Факсимиле рукописей. Предисл., транскрипция, пер. с древнеуйгурского Л.Ю.Тугушевой. М., 2013.
- CXXXIX. Кэйтё. Вадзисёрансё (Исправление царящего в нашей азбуке беспорядка). Введение. Вступит. статья, пер. с японского, коммент. и прил. К.Г.Маранджян. М., 2015.
- CXL. «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.). Изд. текста, пер. с тангутского, введ. и коммент. Е.И.Кычанова. М., 2013.
- CXLI. Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов»): палеографические документы древнего Китая. Изд. текста, пер. с китайского, вступит. статья, коммент. и прил. М.В.Королькова. М., 2013.
- CXLII. Ли Сунсин. Военный дневник (Нанчжун ильги). Вступит. статья, пер. с ханмуна, коммент. и прил. О.С.Пироженко. М., 2013.
- CXLIII. Пуджьяпада. Сарвартхасиддхи. Вступит. статья, пер. с санскрита, прил. Н.А.Железновой. М., 2015.
- CXLIV. Повесть о раджах Пасея. Пер. с малайского, исследование, примеч. и прил. Л.В.Горяевой. М., 2015.
- CXLV. Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха. Вступит. статья, пер. с санскрита, коммент. и прил. Н.А.Корнеевой. М., 2015.
- CXLVI. Буддийские ритуальные тексты: По тибетской рукописи XIII в. Факсимиле рукописи. Транслитерация А.В.Зорина при участии С.С.Сабруковой; пер. с тибетского, вступит. статья, примеч. и прил. А.В.Зорина. М., 2015.
- CXLVII. Желтая история (Шара туджи). Пер. с монгольского, транслитерация, введ. и коммент. А.Д.Цендиной. М., 2017.
- CXLVIII. Полное собрание документов Ли Сунсина (Ли Чхунму гон чонсо). Раздел «Официальные бумаги». Вступит. статья, пер. с ханмуна, коммент. и прил. И.И.Хвана под ред. О.С.Пироженко. М., 2017.
- CXLIX. Махавайрочана-сутра. Пер. с китайского, предисл., примеч., прил. А.Г.Фесюна. М., 2018.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

- I, 3. Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии. Изд. текста, пер., вступит. статья, коммент., прил. под общей ред. М.Н.Пака и Л.Р.Концевича. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен	13
Словари кяхтинского пиджина	25
Предметы кяхтинского торгоа	31
Некоторые особенности кяхтинского пиджина (филологические заметки)	39
Список использованной литературы	51
Словари кяхтинского пиджина. Транскрипция, перевод	
Словарь <i>А. Элосы фань юй</i> 鄂羅斯番語 («Русский язык») (ИВР РАН, С-59)	61
Словарь <i>В. «Китайский русский словарь»</i> (СПбГУ, Хул.Ф-56)	155
Словарь <i>С. «Русско-китайский словарь, рукописный»</i> (ИОКМ, инв. 53856)	220
Приложения	
Алфавитный указатель русских слов и выражений	245
Алфавитные (<i>пиньинь</i>) указатели китайской лексики	301
1. Указатель китайской гнездовой лексики	301
2. Указатель русских значений слов в иероглифической транскрипции	357
Краткий словарь местных форм забайкальского наречия	417
Сокращенные обозначения языков	427
Таблица 1. Силлабарий тайюаньского диалекта	428
Таблица 2. Тайюаньские диалектные силлабарные формы, их русские и иероглифические соответствия	429
Факсимиле	
Словарь <i>А. Элосы фань юй</i> 鄂羅斯番語 («Русский язык») (ИВР РАН, С-59)	435
Словарь <i>В. «Китайский русский словарь»</i> (СПбГУ, Хул.Ф-56).....	518
Словарь <i>С. «Русско-китайский словарь, рукописный»</i> (ИОКМ, инв. 53856)	559
<i>Н.Я. Бичурин. 漢文啓蒙 Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика</i> (СПб., 1835) ...	585
Названия русских кягтин[ских] товаров	586
Название китайских кягтинских товаров	598

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот трех ранее не исследовавшихся рукописных словарей кяхтинского (маймайченского) пиджина из российских собраний. С середины XVIII в. этот контактный язык бытовал в торговых слободах — Кяхта и Маймайчен — и отражал особенности как современного данному наречию состояния русского и китайского языков (включая шаньсийский диалект), так и социальных, экономических и межэтнических взаимоотношений в приграничных областях Российской и Цинской империй. Сохранившиеся словари кяхтинского пиджина, в которых русские слова даны в транскрипции китайскими иероглифами, являются уникальным источником для изучения всех контактных языков, как существующих, так и вышедших из употребления. Специальных исследований по этим словарям прежде не предпринималось.

Кяхтинский пиджин сложился для обслуживания общения китайских и русских купцов на границе, грамматическую основу его составил китайский язык, лексика была в основном русской. Первоначально русско-китайская приграничная торговля осуществлялась на монгольском языке с помощью переводчиков, но постепенно китайские маймайченские купцы, большинство из которых составляли выходцы из пров. Шаньси, стали ситуативно воспринимать лексемы русского языка и адаптировать их под фонетическую систему родного китайского. Для нужд изучения русского языка они составляли словари, в которых были представлены и отдельные слова, и целые грамматические конструкции. Лексика отражала непосредственные потребности торговли и включала в первую очередь наименования обменных товаров и слова повседневного обихода. Составлялись словари по тематическому принципу.

В настоящем издании представлен полный текст с транскрипцией, перевод и факсимильное воспроизведение трех словарей кяхтинского пиджина: (1) *Элосы фань юй* 鄂羅斯番語¹ из собрания Института восточных рукописей РАН (шифр С-59; далее — словарь *A*); 2) аналогичного ему, но менее полного «Китайского словаря русского языка» из Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Хул.Ф-56; далее — словарь *B*); (3) незавершенного «Русско-китайского словаря, рукописного» из фондов Научной библиотеки Иркутского областного краеведческого музея (инв. 53856; далее — словарь *C*). Словарь *A* из коллекции ИВР РАН был упомянут в заметке К.К. Флуга (1893–1942) как «русско-китайский тематический словарь *Элосы фань юй*, предназначавшийся, вероятно, для китайских купцов» (Флуг 1935, с. 92). Словари *B* и *C* прежде никогда не привлекали внимания исследователей.

---

¹ В инвентарной книге название словаря переведено как «Русский иностранный язык».

Словарь *A* хранится в Китайском фонде NOVA Отдела рукописей и документов ИВР РАН; точных сведений о его происхождении не сохранилось. Можно предположить, что он вошел в собрание Азиатского Музея (ИВР РАН) с книгами Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа, 1777–1853), который упомянул в печати о существовании таких словарей (Бичурин 1831, с. 143–144). На обложке *A* справа сверху вертикально расположено заглавие на китайском языке 鄂羅斯番語 и по центру — название лавки 凝瑞堂 (*Нинжуйтан*, «Зал недвижимого скипетра»). Рукопись сброшюрована бабочкой, на 85 листах размером 15 × 27 см, на китайской белой тонкой твердой бумаге среднего качества, л. 80–83 — пустые. На обложку словаря снизу подклеена белая бумажка размером 5,7 × 11 см, край которой (1,5 × 11 см) подогнут внутрь, на краю написан старый шифр Азиатского Музея — Ch. I № 65. В верхнем правом углу обложки на квадратной наклейке размером 6 × 7,3 см (рамка 4,5 × 5,5 см) рукой К.К. Флуга фиолетовыми чернилами написан шифр 1937 № 206, а также расписана топография: шкаф IV, полка 5, № 6. Ниже наклейки помещается штамп Института востоковедения АН СССР с указанием года — 1953. Шифр № 200 вписан в этот штамп черными чернилами рукой сотрудника Ленинградского отделения ИВ АН Майи Петровны Волковой (1927–2006). На титуле словаря (л. 1а) повторяется его заголовок и название лавки Нинжуйтан, а кроме того, под заголовком вертикально расположены два иероглифа 一本 (*и бэнь*, «первая книга»). На каждом листе рукописи присутствует по 4–5 вертикальных строк иероглифического текста, каждая строка содержит по 1–6 слов или фраз от одного до 7–8 иероглифов. Почерк уставной, умелый.

Сведений о происхождении словаря *B* из Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ также нет. Рукопись в виде тетради размером 22,5 × 35 см на плотной белой бумаге европейского производства, листы сшиты толстыми белыми нитками. Сверху словарь обклеен обложкой из плотной бумаги светло-коричневого цвета. В верхней части обложки синим карандашом записан шифр Хул. F-56, ниже на расстоянии 11,8 см от верхнего края имеется белая наклейка 7,8 × 11,3 см с волнообразно обрезанными краями, на которой помещается заголовок на русском языке «Китайский словарь русского языка». Ниже, на расстоянии 2,5 см от наклейки и 1,5 см от левого края рукописи, помещается другая наклейка желтого цвета с внутренней двойной рамкой 3 × 3,8 см. В рамке типографским способом напечатано слово «Шкаф» и ниже вписано от руки пером черными чернилами: XXIX^a. Рукопись содержит 23 листа, из них текстом занято 20. На втором листе от руки черными чернилами продублирован заголовок «Китайский русский словарь». На листах с текстом помещено по 9 строк на расстоянии 2,5 см друг от друга, под ними просматривается тонкое подстрочное графление, верхнее поле над рамкой графления составляет 2 см, нижнее — 1,5 см. На каждой строке присутствует от 3 до 7 слов и выражений из 1–5 иероглифов в стандартном написании с помещенной ниже иероглифической транскрипцией, записанной более мелкими иероглифами в один или два ряда тонкой кистью. Почерк уставной. При сшивании рукописи (очевидно, не китайцем) были перепутаны и, возможно, даже утрачены листы. Начало ее отсутствует, нет заголовка для начального раздела, в котором перечислены разнообразные товары и названия тканей; за ним следует (начиная с л. 3а) 10-й раздел, а затем один за другим — разделы со 2-го по 9-й.

Копия словаря *C* была предоставлена авторам настоящей публикации Научной библиотекой ИОКМ, его краткое описание помещено в каталоге К.С. Яхонтова (Яхонтов 1994, с. 87, № 127). На обложке словаря имеется русское заглавие «Русско-китайский словарь, рукописный» (возможно, написанное более поздним русским владельцем) и ниже маньчжурское слово *Baikasingge* (?). Из 49 листов руко-

писи текстом заняты л. 1–24, последующие 25–49 — пустые. Размеры 13,2 × 25,5 см. На одном листе помещается по 5 вертикальных строк из 4–6 слов и выражений от 1 до 7 иероглифов. Почерк полукурсивный, умелый, причем л. 2а–20б переписаны явно одним, а л. 21а–24б — другим лицом. Первый лист содержит записанные другой рукой на 2 строках крупными иероглифами (уставной почерк) 4 фразы ритмической прозой и на последующих 3 строках, возможно, комментарии к ним на пиджине² (см. с. 560 наст. изд.).

Публикуемые в настоящей работе словари, судя по составу их словников, отражают состояние русского китайского пиджина XVIII–XIX вв. Простонародные формы иероглифов, особенности употребления фонетиков и лексических элементов гнездовых лексем передают своеобразие диалекта пров. Шаньси 山西 и свидетельствуют о том, что словари кяхтинского пиджина составлялись и использовались жителями именно этой местности. Примечательно, что словари дают представление о кяхтинском пиджине «с китайской стороны», в них содержится богатый материал для дальнейшей реконструкции фонетической структуры и грамматических особенностей этого контактного языка. Многие русские слова, приведенные в иероглифической транскрипции, давно вышли из употребления, в связи с чем словари имеют ценность и для изучения истории местных сибирских говоров русского языка — в них присутствует лексика, отражающая прежний уклад жизни и хозяйствования, представлен обширный материал общегуманитарного характера.

Словари пиджинов встречаются крайне редко, причем все они, как выясняется, были созданы на основе китайского языка и являются неотъемлемой частью именно китайской культуры. При этом их всестороннее исследование и издание важно для дальнейшего изучения всех контактных языков.

Авторы публикации ставили целью введение в научный оборот уникального материала и не претендуют на исчерпывающий характер исследования. В ходе работы мы широко пользовались консультациями А.А. Бурыкина, П.О. Рыкина, Е.В. Перехвальской, А.М. Певнова, монголистов Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН и выражаем им признательность за советы и ценные дополнения. Особую благодарность приносим В.П. Зайцеву, А.А. Сизовой и Т.А. Гавриловой за помощь при составлении указателей. Хотим отметить, что без непосредственного участия В.П. Зайцева создание иероглифического указателя было бы невозможно. Мы также признательны английскому синологу и лингвисту Э. Уэсту (Andrew West), предоставившему нам специальную версию своего компьютерного шрифта BabelStone Han, в который были включены редкие иероглифы, отсутствующие в настоящий момент в Юникоде. Этот китайский шрифт мы используем в нашей работе.

При выполнении транскрипции на основе Международного фонетического алфавита (МФА) мы опирались на хорошо изученную фонетическую систему тайюаньского говора шаньсийского диалекта. Этот говор имеет распространение в столице Шаньси г. Тайюане и принадлежит к той же подгруппе цзиньского диалекта, что и диалект местности Юйцы, родины большинства маймайченских торговцев.

Перевод всех трех словарей представлен в виде таблиц: 1-й столбец содержит номер листа и через дефис (-) номер строки; 2-й воспроизводит китайское гнездовое слово в словаре; 3-й — его значение в иероглифической транскрипции (как представлено в словаре); 4-й — нашу транскрипцию этого значения на основе МФА, 5-й — кириллическую транскрипцию, отражающую артикуляционные особенности

² Перевод фраз: (1) Под весенним ветром цветы и травы источают аромат. Шесть листов сливы обнимают цветок, как драгоценность. (2) Хранят диковину, приносят счастье, порождают богатство. Со временем радость пребудет каждый день. (3) Ухаживать <комментарий>. (4) Тепло <комментарий>. (5) <комментарий>.

китайского произношения; 6-й столбец — реконструкцию значения гнездового слова (или выражения) в соответствии с тем, как оно, по мнению авторов публикации, должно было воспроизводиться говорящим на кяхтинском пиджине русским; при необходимости и для диалектных форм в скобках приводится литературное современное значение (перевод).

В представленном в приложении указателе русских слов сведено содержание всех трех словарей в алфавитном порядке в их русской транскрипции и переводе. Поскольку в словарях значение китайских слов, восстановленное по русской транскрипции, и буквальный перевод китайского слова на русский язык в большинстве случаев совпадают, мы решили объединить их в единый указатель. Если же значение слова в словаре и его перевод не совпадают или имеют заметные отступления от норм современного русского языка, то отсылка от значения к переводу делается при помощи стрелки (→), например: *маржан* (значение в словаре) → *агат* (точный перевод) А:30b-04, В:03b-09 (отсылки к словарям). К слову *маржан* его значение *агат* добавлено в скобках.

Указатели китайской лексики объединяют материал всех трех словарей в соответствии с латинским алфавитом по транскрипции в *пиньинь*. В первом указателе представлены гнездовые знаки словарей; во втором — значения слов в иероглифической транскрипции словарей.

Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен

Кяхта играла важную роль во всей внешней торговле России и на протяжении почти полутора столетий была главным пунктом экономических сношений России с Китаем. Через Маймайчен и Кяхту проходил так называемый Чайный путь (*Чае чжи лу* 茶葉之路), соединявший южные провинции Китая с Европейской Россией и Западной Европой. О значении Кяхты и кяхтинского торгового пункта с момента ее основания до времени упадка написано в крупных обобщающих трудах на русском и китайском языках (П.Е. Скачкова, С.Л. Тихвинского, М.И. Сладковского, В.С. Мясникова, Су Фэн-линя 宿豐林, Го Юнь-шэня 郭蘊深, Цай Хун-шэна 蔡鴻生, Лай Хуэй-минь 賴惠敏 и др.), а также в специальных работах, посвященных отдельным проблемам контактов на российско-китайской границе (А.Н. Хохлова, В.Г. Дацышена и др.).

Ранние описания Кяхты с планами можно найти в записках академиков, посетивших Сибирь с экспедиционными поездками: К.Г. Лаксмана, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, И.Г. Георги (см. их фонды в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН). Впоследствии многие русские путешественники приводили сведения о Кяхте и Маймайчене в своих путевых дневниках и воспоминаниях. Через Кяхту пролегли пути выдающихся исследователей Центральной Азии — Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, Г.Н. и А.В. Потаниных, В.А. Обручева и др. В XIX в. были изданы солидные экономические обзоры кяхтинской торговли (Н.К. Корсак, Н.К. Крит и др.), внимание исследователей привлекала и культурная жизнь слободы (Г.М. Осокин и др.).

Известно, что начиная с XIII в. китайцы вели торговлю в Каракоруме, где первоначально основными променными товарами были лошади, крупный рогатый скот, кожи, транспортные средства и зерновые злаки. Имеются более поздние сведения о том, что китайские купцы заезжали торговать на территорию Сибири (Алексеев 1941, с. 284). К XVI в. заметное место в региональной торговле занял любившийся монголам и сибирякам кирпичный чай, ввозимый из Китая (Пан И-цай, Цюй

Шао-мяо 1983, с. 12). В это же время русско-ойратская торговля в Сибири перешла под контроль бухарцев³, и торговый обмен между русскими землями и Китаем стал осуществляться главным образом посредством бухарских караванов (Дацышен 2008, с. 19). Нерчинский договор 1689 г. не только официально оформил русско-китайскую границу, но и положил начало регулярной торговле между двумя странами. В 1699 г. в Ирбит была доставлена партия китайских тканей, за которыми последовали другие аналогичные привозы до 1706 г. (Хохлов 2015, с. 645).

Основание Кяхты⁴ в 1727 г. относится к важному периоду русско-китайских отношений, когда перед Российской и Цинской империями встал вопрос о новом размежевании земель, связанный с присоединением к Китаю Халхи (Северной Монголии). В августе 1725 г. для переговоров об уточнении границы между двумя государствами правительство Российской империи направило в Пекин чрезвычайного посланника и полномочного министра Савву Лукича Владиславича-Рагузинского (1669–1738). Долгие и непростые переговоры завершились 20 августа 1727 г. заключением на границе, на р. Бурее (в 10 верстах от Кяхты) «Буринского трактата об определении границ между Россией и Китаем», в котором говорилось, в частности, следующее: «С северной стороны на речке Кяхте караульное строение Российской Империи. С полуденной стороны на сошке Орогайте караульный знак Срединной Империи. Между теми караулом и маяком землю разделить пополам. На середине первый знак разграничения поставить. И тут имеет обеих стран пограничное купечество быть» (Русско-китайские отношения 1958, с. 11).

В связи с этим в день Святой Троицы летом 1727 г. на р. Кяхте в четырех верстах от границы на месте Барсуковского зимовья, где находился последний российский караул, С.Л. Рагузинский заложил крепость, получившую впоследствии название Троицкосавской. Строительство велось ротой солдат под командованием капитана Федора Княжнина, прибывшего из местности Стрелки на р. Чикой в начале июля 1727 г. Согласно плану, подготовленному геодезистом А.И. Кушелевым, крепость должна была иметь прямоугольную форму размером 107 × 60 м. С трех сторон, исключая прибрежную, ее предполагалось оградить палисадом, рвом и рогатками, а в двух башнях по углам разместить казарму для содержания арестантов и склад. Внутри укрепления должна была находиться Троицкая церковь с приделом Саввы Сербского, таможня, дом для офицеров, дом для священника, конюшня и солдатские казармы. За пределами укреплений были расположены кузница, баня и мельницы. Пятеро первых русских купцов на 25 подводах прибыли в Троицкосавскую крепость в ноябре 1727 г. (Артемьев 1999, с. 89).

Буринский трактат подготовил почву для более просторного договора, который определил порядок дипломатических отношений между Россией и Китаем через Сенат и китайскую Палату внешних сношений (*Лифаньюань* 理藩院), восстановил караванную торговлю в Пекине и закрепил существование в Китае Русской духовной православной миссии. Размен подписанных экземпляров этого договора состоялся 14 июня 1728 г. на р. Кяхта. Согласно четвертому пункту трактата, получившего название Кяхтинского, торговые караваны в Пекин надлежало посы-

³ Бухарцами русские называли мусульман, выходцев из Средней Азии. Местожительством сибирских бухарцев были главным образом города Тобольск, Тюмень, Тара, Томск и Кузнецк. К XVIII в. бухарских колонистов здесь насчитывалось более 3 тыс., большинство составляли узбеки (Чимитдоржиев 1987, с. 35, 198). Словари кяхтинского пиджина приводят названия самых разных товаров, в которых присутствует элемент «мусульманский» (*хуй* 回); при этом сочетания «мусульманин» (*хуйцзы* 回子) и «главный среди [торговцев-]мусульман» (*хуйхуйнао* 回回攪) переводятся словом 五路史坎 *u-ləu-sj-k'ə̃* (*улоусыкэ*) 'русский' (А:22а-03; С:9б-03).

⁴ Кяхта — букв. 'место, [заросшее] пыреем', монг. *хиаг* 'пырей'. В русских документах начала XVIII в. встречается также наименование Тяхта (Вторая камчатская экспедиция 2013, с. 52, 121).

лать раз в три года, а на границе постоянно осуществлять торговлю через два пункта: Цурухайту (в 300 верстах от Нерчинска) и Кяхту, «где построятся дома и огорода оградой или палисадом» (Трусевич 1882, с. 45). Количество приезжающих торговцев в Кяхте не должно было превышать 200 человек (Мясников 2006, с. 383).

Вскоре после заключения Кяхтинского трактата С.Л. Рагузинский стал готовиться к отъезду, в связи с чем составил подробную инструкцию «остерегателю Троицкой крепостцы» капитану Федору Княжнину и его помощнику «надзорщику торговой слободы и судье малых дел пограничных» Алексею Третьякову с предписанием достроить Троицкую крепость, а также возвести ниже по течению р. Кяхты в трех верстах к северу от крепости торговую слободу согласно данному С.Л. Рагузинским чертежу. По плану и инструкции С.Л. Рагузинского укрепления слободы должны были состоять из палисада со рвом и иметь форму квадрата со сторонами 213 × 213 м. По углам этой крепости планировалось возвести бастионы со стороной 6,4 м. В центре стен, перпендикулярных реке, предусматривались одни ворота, а в береговой стене — двое ворот. Внутри крепости предполагалось возвести жилые избы, помещение таможни, амбар, тюрьму и гостиный двор (Сычевский 1875, с. 37–47; Артемьев 1999, с. 89–90).

Строительство слободы было в основном завершено к концу 1728 г. Гостиный двор с 24 лавками и 24 амбарами над ними представлял собой прямоугольное сооружение с глухими наружными стенами и воротами с северной и южной сторон. Позже торговавшие на границе китайцы стали называть его *сыхэлоу* 四合樓 (букв. ‘помещение, закрытое с четырех сторон’)⁵. 32 купеческие избы были расположены по периметру стен гостиного двора. Первый торг здесь состоялся 25 августа 1728 г., когда из Пекина возвратился русский торговый караван. Оставшиеся от продажи в Пекине меха, в том числе шкурки камчатского бобра, рыси и соболя, были променены китайским купцам. Всего в торге приняли участие 10 русских и 4 китайских купца. В 1729 г. полковник Иван Дмитриевич Бухгольц, осуществлявший после отъезда Рагузинского руководство пограничными делами, официально сообщил Российской Коллегии иностранных дел об открытии торгового пункта с китайцами в Кяхте.

В 1730 г. против Кяхты, приблизительно в 60 саженьях от нее, началось строительство китайского торгового городка, в котором обосновались купцы, прибывшие в основном из пров. Шаньси. Выходцы из этой провинции славились особым талантом к торговле, для них существовали особые наименования ‘шаньсийские торговцы’ (*шаньси шанжэнь* 山西商人) и ‘цзиньские торговцы’ (*цзиньшан* 晉商, где *Цзинь* — название царства, в древности расположенного на территории Шаньси), которые использовались как нарицательные обозначения людей чрезвычайно искусных в торговых делах⁶. Считается, что заниматься посреднической, транзитной коммерцией жителей Шаньси вынуждали сложные природные условия этой мест-

⁵ 俄各信旺兒 ʁx-kə²-εiŋ vẽ-ər (*огэсин вар*) (А:19а-05, В:13b-06, С:06а-03).

⁶ Коммерческие способности прибывавших на границу китайских купцов были сразу же отмечены русскими. В одном документе первой половины XVIII в. представлено такое описание: «В торговых своих делах тверды и основательны, счеты ведут порядочно до самой тонкости, люди по своей нации сколько прямы и вспыльчивы, столь больше напротив в рассуждении интересов своих снисходительны и низки, в обращении ласковы, мало терпят неправду и вредные шутки, больше желают обходиться в дружбе и согласии, однако ж со своей стороны обман почитают за удачу и проворство и потому часто делают в товарах своих фальши, то есть убавляя у иных меры, а у других вес или против договоров, подменяя, отдают купцам нашим совсем другие, однако как скоро в такой фальши доказаны и уличены будут, то бесспорно переменяют другими товарами» (Сношения России с Китаем по торговым делам и различные сведения о китайском государстве // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, ед. хр. 154 л. 56об–57).

ности, отличавшиеся крайним скудородием. Купцов, ведущих дела на границе, в Китае называли «торговцы, временно проживающие в Монголии» (*люймэшиан* 旅蒙商) или же «приграничные торговцы» (*бяньшиан* 邊商; *бянькэ* 邊客). Артели таких купцов назывались «приграничные артели» (*бяньхан* 邊行). Выходцы из Шаньси издавна вели торговлю с монголами, выменивая у них скот на рис, муку, соль, уголь, водку, кирпичный чай, простую ткань, предметы широкого потребления (Темоле 2009, с. 122).

Имена первых китайских маймайченских купцов хранит колокол, в настоящее время представленный в экспозиции Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева. Колокол был отлит в 8-й год правления под девизом Цяньлун (1743) для маймайченской кумирни Лаоемяо 老爺廟 по заказу выходцев из уезда Фэньян 汾陽縣 области Фэньчжоу 汾州府 пров. Шаньси: Вань Лун-пу 萬隆鋪, Ма Вань-луна 馬萬龍, Ван Го-цзя 王國宰, Чжан Юаня 張元, кузнеца (金火匠人?) Шэня 申, Жэнь Ши-луна 任世龍, Го Ши-луна 郭世龍, Ван Вэнь-цюаня 王文全, Хань Ина 韓瑛, Ли Цунь-хуна 李存洪, Ли Мин-сина 李明星, Чжао Лэ-жэня 趙可仁 и Тянь Дэ-юаня 田得元.

Первоначально китайское поселение не имело собственного названия. Русские именовали его Китайской слободой или Наймачином, от монг. *наймаач(ин)* ‘торговец’, что происходило от китайского нарицательного *маймайчэн* 買賣城 ‘место купли-продажи, торговое место’.

Посетивший Кяхту в 1772 г. Петер Симон Паллас (1741–1811) свидетельствует, что между монголов поселок именовался также Дай-Оерго⁷ ‘Богатое место’, а между маньчжуров — Хадалчин (Паллас 1788, с. 155). Позже знаменитый лингвист Юлиус Генрих Клапрот (1783–1835) упомянул, что на пограничном маяке перед китайской слободой было написано: Майичу 貿易處 ‘место купли и мены’ и по-маньчжурски Худайба ‘Торговое место’ (Клапрот 1816, с. 101), по-китайски городок именовался Маймайчжэнь 買賣鎮 или Маймайчэн 買賣城 ‘Торговый городок’⁸ (Klaproth 1824, p. 63). Последнее название вскоре окончательно закрепилось за слободой и вошло в историю.

Одно из наиболее ранних описаний Маймайчена, которое можно датировать до середины XVIII в., представлено в «Описании о положении Кяхтинской торговой слободы. О торгах и о правлении таможенном с 8 разными примечаниями», своего рода аналитической записке того времени, хранящейся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН: «От сей [Кяхтинской] слободы в полуверсте находятся китайские найматчины, [они] обнесены вокруг деревянною стеною и укреплены земляным рвом, в них три улицы большие, называемые верхняя, средняя и нижняя, та, которая лежит близ берегу реки Кяхты, и четвертая — поперечная. Китайских юрт или мазанок глиняных, по примерному счислению будет до 350, три кумирни, пятеро ворот; людей их, то есть китайских купцов, служителей и работников, также и мунгал, которые находятся для караулу, бывает не поровну, однако ж по примечаниям казалось, собирается иногда около тысячи человек и больше»⁹.

⁷ Искаженное монг. *bayan örgüge* (совр. халх. *баян өргөө*) ‘богатая ставка’; *дай* от кит. 大 *da/dai* ‘великий, большой, богатый’.

⁸ «Часто пишут другой иероглиф в этом слове 城, — поясняет Ю.Г. Клапрот, — что означает место, огороженное стеной или частоколом» (Klaproth 1824, p. 63). В словарях кяхтинского пиджина для иероглифа 城 дано значение ‘палисад’ 不利沙的 *pə²-li-sa-tiə²* (*бэлисади*) (A:19a-03; B:13b-04; C:06a-01).

⁹ Сношения России с Китаем по торговым делам и различные сведения о китайском государстве // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, ед. хр. 154, л. 56–56об.; впервые опубликовано А.Н. Хохловым (Хохлов 1982, с. 106).

Позже описание Маймайчена неоднократно было представлено в записках побывавших здесь русских путешественников¹⁰.

Всей полнотой власти в Маймайчене обладал дзаргучей (п.-монг. *дзаргучи жагуи*, 'судейский чиновник'). Как уточнил Егор Федорович Тимковский, этот «пограничный судья китайский» имел чин 6-го класса, назначался Лифаньюанем и сменялся раз в три года. «В Маймайчене власть его почти неограниченная: саргучей судит все дела и все преступления, исключая те, кои влекут за собою смертную казнь. В сих случаях посылают донесение в Ургу» (Тимковский 1824, т. 1, с. 14). Резиденция дзаргучея была расположена в южной части Маймайчена. В помощь дзаргучею придавался низший чиновник, как правило, из маньчжуров, называемый *боиша*¹¹, или по-русски *комиссар* (Клапрот 1816, с. 131). Охрану в Маймайчене вел караул из 50–100 конных пограничных монголов (Мартынов 1819, с. 61).

Дальнейшее расширение и строительство Кяхты и Маймайчена было связано со стремительным развитием приграничной торговли. За период с 1 октября 1729 по 1 января 1730 г. через Троицкую крепость и Кяхтинскую слободу проехали 453 человека с товарами на 630 лошадях и двух верблюдах (Хохлов 1982, с. 105). Неуклонный рост объема торговли наблюдался и в последующие годы. В 1736–1740 гг. в Кяхту ежегодно доставлялось русских товаров в среднем 1430 телег и 96 саней, китайских — 806 телег и 37 саней. В 1741–1745 гг. количество русских товаров составило 1200 телег, китайских — 944 (Хохлов 1982, с. 107).

В этот период кяхтинское купечество неоднократно направляет в адрес иркутского губернатора жалобы на тесноту, вследствие чего власти принимают меры по строительству новых жилых домов и складских помещений. В расширившихся пределах Троицкая крепость и Кяхтинская слобода представлены на плане, снятом в апреле 1735 г. сотрудниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783). Согласно этому плану, крепость имела форму прямоугольника размером 192 × 128 м и была расположена по обоим берегам р. Кяхты. С южной стороны крепости река была перегорожена плотиной¹², в результате чего внутри нее образовался пруд. Севернее крепости располагались офицерские и солдатские казармы, южнее — огороды (Артемьев 1999, с. 90).

В 1743 г. указом Сената Кяхте был присвоен статус торговой слободы, и она стала первым постоянным пограничным пунктом для торговли России с Китаем. Помимо кяхтинского, небольшой по объему торг осуществлялся через Цурухайту, а также Чугучак и Кульджу. Немаловажное значение для развития Кяхты сыграло разрешение Сената селиться в Кяхте людям, «не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты», с освобождением на несколько лет от уплаты податей и рекрутского набора (Артемьев 1999, с. 91). В марте 1761 г. священник Дорофей Шергин, состоявший при Троицкой церкви, представил в Иркутск

¹⁰ Такое, например, описание приводит Г.М. Осокин в книге «На границе Монголии»: «Торговая часть города представляет правильный четырехугольник, прорезанный тремя главными узкими улицами и одной поперечной. Вся эта часть города обнесена невысокой кирпичной стеной с воротами, запирающимися со стороны Кяхты на всю ночь. Улицы настолько узки, что два экипажа едва могут разъехаться. Фасада домов в улицу не существует, или же они ничем не отличаются от стен, какие идут во всю длину улиц. Выделяются только входные ворота, обыкновенно украшенные резьбой, орнаментами и выкрашенные в яркие цвета. Вход в жилье со двора; дворы очень невелики и обыкновенно выстланы деревом, а у богатых и покрыты. Из построек Маймайчена по оригинальности выделяются башни над входными воротами, окрашенные в яркую красную краску с массой всевозможной резьбы. Особенно капитальных больших построек в Маймайчене почти нет. Выделяются только несколько кумирен, из которых одна в самом городе и две за стенами его» (Осокин 1906, с. 35).

¹¹ От маньчж. *бошоку* (*bošokū*) 'понудитель, нарядчик, урядник, унтер-офицер в войсках'.

¹² Кяхту местные жители называли также 'нижней плотиной', а лежащую выше Троицкосавскую крепость — 'верхней плотиной' (Стахеев 1994, с. 102).

ведомость, согласно которой в его приходе числилось 327 человек (186 мужчин и 141 женщина) (Хохлов 1982, с. 105).

Установленная Нерчинским трактатом караванная торговля в Пекине довольно быстро прекратилась из-за ограничений со стороны цинских властей, которые изначально создавали ей препятствия и демонстрировали свою крайнюю в ней незаинтересованность (Сладковский 1974, с. 133–134; Мясников 2006, с. 390). 16-й казенный караван в Пекин 1758 г., возглавляемый Антоном Владыкиным, оказался последним. В 1762 г. Российское правительство отменило государственную монополию на торговлю с Китаем. Это способствовало укреплению российско-китайских торговых связей через Кяхту, хотя в тот период они получили немало разных осложнений, происходивших в основном из-за взаимных мелких нарушений пограничного режима. Только за период с 1744 по 1792 г. цинские власти десять раз приостанавливали приграничную торговлю: в 1744 г. (на 17 дней), 1747 г. (на один месяц и семь дней), 1759 г. (на 11 дней), 1762 г. (на шесть лет), 1775 г. (на три дня), 1778 г. (на два года и 13 дней), 1785 г. (на семь лет) (Хохлов 1989, с. 25).

Наблюдение за торговлей в Кяхте с российской стороны первоначально было поручено Троицкосавской пограничной канцелярии («комендант-штабу офицерского ранга»), причем о наиболее важных делах надлежало докладывать в Селенгинскую пограничную канцелярию и Иркутскую губернию. Для предупреждения беспошлинного провоза по всей китайской границе была учреждена одна таможня и одна таможенная застава. Таможня долго не имела постоянного места и переезжала несколько раз из Иркутска в Кяхту и Троицкосавск, но с 1792 г. установилась окончательно в Кяхте (Корсак 1857, с. 53).

Развитие пограничной торговли потребовало изменения административного устройства ряда населенных пунктов, лежавших на р. Селенге, главной артерии, по которой шли товары от Кяхты до Байкала. Во второй половине XVIII в. расположенные вдоль реки Селенгинский, Удинский, Ильинский и Кабанский остроги, как и сама Кяхта, стали поселениями городского типа и приобрели административное устройство по правилам городского управления, введенного Петром Первым. Органом такого управления в Кяхте стала «земская изба», в которой состояли: от купцов — староста, от цеховых (ремесленников) — альдерман (старшина), а также 10 ходоков, четыре сборщика налогов и один сторож. Цеховые помимо альдермана выбирали также на своих собраниях для «полицейских дел» десятских и сотских (Силин 1947, с. 91). Позже заведование и наблюдение за торговлей кяхтинского купечества перешло к так называемым компаньонам. Троицкосавск же приобрел статус города лишь в 1805 г., в связи с чем в нем появилось 13 чиновников-управленцев. Такое наименьшее для сибирских городов количество администрации было связано с отсутствием уездного статуса.

П.С. Паллас оставил описание Троицкосавской крепости, в котором отметил, что она со всех сторон обнесена палисадом с четырьмя бастионами по углам, в стенах имеется трое ворот — одни на север на селенгинскую сторону, другие на юг к китайскому городку, а третьи на запад на р. Кяхту и находящееся там предградие. «В крепости изрядная деревянная церковь с хорошими курантами; пространный гостиный двор, в коем до 60 лавок считается; но по новому плану велено его выстроить каменный, для чего уже давно внутри под часовню фундамент заложен, однако далее еще по повелению ничего не построено; сверх того комендантский дом, бывший пошлинный двор, старая гауптвахта, вместо которой ныне при китайских воротах новая построена, некоторое число казарм и других казенных домов, кои наиболее зажиточным купцам для житья отдаются, и другие потребные для поклажи и запасов амбары. Предместье или слобода огорожена частоколом и содержит в себе не более ста два-

дцати дворов, кои построены весьма беспорядочно, и имеет одни ворота также с караулом». По селенгинской дороге находилось также несколько дворов перед крепостью и так называемый ревенной дом (ревенная комиссия) (Паллас 1788, с. 149–150).

П.С. Паллас привел также весьма подробное описание китайской торговой слободы, одно из наиболее ранних опубликованных в печати. В Маймайчене, как отметил П.С. Паллас, было не более двухсот тесно построенных дворов. Вокруг слободы особых укреплений не было, но был дощатый забор и небольшой вал в полтора аршина шириной. Пространные дворы подле домов были усыпаны щебнем, на улицу выходили небольшие красные ворота с калиткой или без, рядом с воротами были построены амбары для товаров с дверьми во двор. Остальное место во дворах было занято жилыми помещениями, чуланами и кухней. Все помещения сооружены из дерева или из фашичника с глиной и выбелены известкой. На стенах, выходящих на улицу, вывешивались «для пробы» образцы всех продаваемых товаров. Крыши домов были ровные, выступавшие вперед и укрепленные на столбах, по большей части изготовленные из досок, а у простых домов из жердей, и покрытые дерном или мхом. Окна были большие, на европейский манер, в редких случаях в окна жилых строений, выходящих на улицу, вставлялось стекло или слюда, по большей же части их заклеивали бумагой. Оконная бумага украшалась рисунками, пол в помещениях устраивался из глины, смешанной со щебнем, стены были обиты бумажными обоями. Значительную часть помещений занимали *каны* — «подмощенные лавки из кирпича с четырехугольными печками». Из мебели в комнатах были шкафы с бумажными от пыли дверцами и по два лакированных столика, на которых стояли конфорки с горящими углями для прикуривания табачных трубок. Кроме того, во всех помещениях находился киот с «чисто намалеванными образами», перед которыми в праздники зажигали свечи и лампы. «Китайцы, — свидетельствовал П.С. Паллас, — открывают сторонним также людям у образов завесы и смотреть ничего не запрещают» (Паллас 1788, с. 157–159).

Главный храм Маймачена находился в центре слободы на пересечении Средней (*Чжунцзе* 中街) и Поперечной (*Хэнцзе* 橫街) улиц и был посвящен Богу Неба (*Тяньди* 天帝). Под этим двухъярусным храмом был устроен сквозной проход, крыша первого яруса была четырехугольная, второго — восьмиугольная. Китайцы именовали башню Колокольной (*Чжунлоу* 鐘樓), по углам наверху ее помещалось восемь колоколов, сконструированных так, чтобы издавать звон при порывах ветра. Внутри храма находилась статуя Конфуция, перед которой висела железная лампада около 20 пудов весом (Силин 1947, с. 103).

П.С. Паллас привел описание и другого храма, стоявшего у южных ворот перед домом дзаргучея. В соответствии с данными Палласа, явно полученными от монголов, главным изваянием в храме была богато украшенная статуя Гесэра, перед которой помещались алтарь, «на маленьких табуретах» лук и стрелы, а по бокам изображения его «славнейших советников и военачальников». Кроме этих статуй по сторонам от главного изваяния находилось по два божка, «все сидя, хотя и менее Гессыра, однако-таки нарочитой вышины», это были справа — изображения грозного божества Ваджрапани и Белого Дзамбалы (Джамбхалы), слева — Голд-Тенгри и Ямантаки. Рядом с этим храмом была театральная сцена, служившая для представлений в праздничные дни. Потолки и стены храмов, так же как и помещений фуз (торговых обществ, или компаний) в Маймайчене, были расписаны красками (Китайская живопись 1867, с. 596).

Помимо этих храмов, в Маймайчене рядом с бухарской казармой в юго-западном углу китайской слободы находилась еще небольшая мечеть (Паллас 1788, с. 165–169).

Свои описания Кяхты и Маймачена, а также храмов китайской торговой слободы оставили А.Е. Мартынов (1819, с. 55–64) и Ю.Г. Клапрот (1816), прибывшие на российско-китайскую границу в составе посольства Ю.А. Головкина в 1805 г.

Ю.Г. Клапрот пояснил, что под именем Гесэра монголы подразумевают китайского легендарного полководца Гуань Юя 關羽, жившего в период Троецарствия (220–280). Впервые этот герой был канонизирован в XII в. при династии Сун (960–1279) за военные подвиги и моральные достоинства как «Князь верный и милосердный» (*Чжунхуй-гун* 忠惠公), при династии Цин в 1652 г. ему был присвоен титул «Верный, справедливый, доблестный великий император Гуаньшэн» (*Чжуньшэнью Гуаньшэн-дади* 忠義神武關聖大帝), и в 1736 г. он был канонизирован как «Шаньсийский муж Гуань» (*Шаньси Гуань-фуцзы* 山西關夫子). Перед входом в храм находился покрытый шелками жертвенник, на котором помещали плоды и прочие подношения и стояла доска с надписью «Да здравствует правящий император Великой Цин на десять десятков тысяч лет» (*Да Цин дан тай хуанди вань вань суй* 大清當太皇帝萬萬歲) (Клапрот 1816, с. 126–127; Klapproth 1824, с. 67–68). Клапрот и Мартынов упоминают также ламаистский храм, стоявший в южной стороне китайской слободы и посвященный богу Хомшин-Бодди-Саддо¹³ (Клапрот 1816, с. 128). К югу от храмов на площади, имеющей сообщение с двором дзаргучея, помещался раскрашенный и покрытый лаком столб, на котором в торжественные дни поднимались флаги, а по ночам горели факелы и фонари (Клапрот 1816, с. 129; Мартынов 1819, с. 61).

В собрании Российской государственной библиотеки имеется китайский план, содержащий иероглифические подписи рядом с изображениями важнейших построек китайской слободы (шифр 184. II. 20). На нем представлен не упомянутый путешественниками храмовый комплекс к югу от центральных южных ворот Маймайчена под названием Храм долголетия (*Ваньшоугун* 萬壽宮)¹⁴. Данный китайский план был составлен после 1838 г., когда завершилось строительство точно прорисованного на нем троицкосавского Воскресенского собора, поэтому и храм Ваньшоугун, очевидно, возведен до 1838 г.

Итак, в соответствии с описаниями путешественников, к началу XIX в. Маймайчен в основной своей части имел вид прямоугольника, ориентированного по сторонам света. С севера на юг его пересекали три улицы: (1) Восточная (*Дунсянцзы* 東巷子, в словарях кяхтинского пиджина она именуется Верная (Верхняя) улица 未而內吳里子 *wei-эр-пиеi u-li-tʃʰ вэйрнуи улицы*); (2) Средняя (*Чжунсянцзы* 中巷子, ее называли также Прямая, *Чжэнцзе* 正街); (3) Западная (*Сисянцзы* 西巷子 или Нижняя). Каждая из них заканчивалась воротами в северных и южных стенах поселения. Поперечная улица (*Хэнцзе* 橫街), или Перекресток, тянулась с запада на восток и заканчивалась воротами в западной и восточной стенах. Соответственно в Маймайчене было устроено по трое ворот с северной и южной стороны и по одним воротам в западной и восточной стенах. Перед воротами, обращенными к русской слободе, были поставлены дощатые заборы, «дабы нельзя было видеть, что происходит во внутренности слободы [китайской]», на каждых из ворот был изображен иероглиф *фу* 福 («счастье») (Мартынов 1819, с. 59).

За пределами слободы к западу вдоль реки вырос комплекс складских помещений под названием Юго-восточный торговый склад (*Синань маймай чжаньфан* 西南買賣站房), огороженный деревянной стеной. Восточнее Маймайчена в ограждении деревянной стены помещались дворы с огородами, отделенные от основной

¹³ Авалокитешваре (Гуаньинь).

¹⁴ Впервые храм с таким названием был построен в Китае в городе Наньчане 南昌 (пров. Цзянси) в 312 г. и был посвящен даосскому наставнику Сюй Сюню 許遜 (239–374).

части слободы Юго-восточной торговой улицей (*Дуннань маймайцзе* 東南買賣街). К юго-востоку от слободы размещался обеденный комплекс под названием «Драгоценный камень» (*Юйнао* 魚腦)¹⁵, также огороженный деревянной стеной. В соответствии с пояснением на китайском плане из фондов РГБ, это было место, где китайцы угощали русских едой и питьем (魚腦中國請俄人飲宴所).

Очертания Маймайчена на китайском плане совпадают с данными карты топографа, приставы 11-й Русской духовной православной миссии М.В. Ладыженского (1802–1875), датированной 1832 г., с указанием масштаба, что позволяет определить площадь китайской торговой слободы — около 125×375 м¹⁶.

Для китайских купцов, ведущих торг в Маймайчене, была характерна большая сплоченность. «Вообще китайцы отличаются от всех торгующих на Кяхте народов порядком, исправностью, вкусом и остроумием. Притом они хитрее всех», — писал Ю.Г. Клапрот (Клапрот 1816, с. 124). В торговых сношениях с русскими они руководствовались секретной инструкцией, которая была составлена и вручена дзргучею пекинскими властями. Инструкция требовала от каждого маймайченского купца тщательно разузнавать о потребностях у русских в том или ином китайском товаре и о цене, по которой он продавался в России, а также собирать сведения о количестве привозимых в Кяхту товаров. Инструкция предусматривала целый ряд хитростей: распространение слухов о росте либо уменьшении спроса в Китае на российские товары, о якобы неурожае чая, шелка, о привозе другими иностранными купцами в Кантон товаров, аналогичных российским, и пр. (Лапин 2015, с. 632–635). Для лучшей координации своих действий представители китайского купечества были обязаны являться по вечерам после закрытия ворот¹⁷ в дом дзргучея для совещаний (Краткий очерк 1896, с. 30–33; Силин 1947, с. 113). При массовом привозе товаров из Китая маймайченские купцы собирались вместе и на общем собрании устанавливали променные цены. Если кто-либо во время размена товаров с русскими понижал установленную цену, того подвергали штрафу или иному наказанию.

Русское купечество также понимало необходимость выработать внутренние правила ведения торга с китайскими купцами и систему собственных торговых товариществ, но успешного развития это не получило. Первая попытка Российского государства создать особую компанию для производства приграничного торга с китайцами относится к 1739 г. Предложение об этом поступило от Лоренца Ланга (ок. 1690 — 1752), бывшего в ту пору иркутским губернатором. Поскольку желающих внести капитал в эту компанию оказалось мало, сословие кяхтинских купцов решило составить «само собой» шесть обществ (по образцу торговавших в Кяхте китайских фуз), или компаний, получивших названия от губерний, к которым купцы принадлежали: московская, тульская, архангельская, вологодская, тобольская, иркутская¹⁸. Деятельность этих компаний не получила ожидаемого результата, и россий-

¹⁵ Словом *юйнао* 魚腦 или *юйнаодун* 魚腦凍 в Китае именовался вид полудрагоценного камня, который шел на изготовление высококачественных тушечниц. В публикуемых словарях среди географических названий встречается слово *юйнаоэр* 魚撈而 со значением 旺吉兒 *vě-tei²-эр* (*Вацзир*), 臥幾爾 *vx-tei-эр* (*Воцзир*), 望吉兒 *vě-tei²-эр* (*Вацзир*) (А:20b-03; С:07b-02; В:14a-05). Возможно, оно связано с названием этого обеденного комплекса, а также со словом *ваджра* (санскр. 'драгоценность').

¹⁶ Архив востоковедов ИВР РАН. Разряд 1, оп. 3, ед. хр. 42.

¹⁷ Русские купцы могли находиться на территории Маймайчена только до захода солнца, о чем возвещалось «игрою на литаврах с деревянной башни и пистолетным выстрелом» (Эрман 1832, 14 июня).

¹⁸ *Шиллинг П.Л.* Записка о прежнем и нынешнем положении Кяхтинской торговли // АВ ИВР РАН. Ф. 56, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5–7. Н.К. Корсак называет московскую, тульскую, тобольскую, иркутскую, казанскую компании, а также компанию арзамасских и тульских купцов (Корсак 1857, с. 94–95).

ское правительство 15 марта 1800 г. ввело особые «правила», согласно которым представителям российского купечества надлежало до начала торга производить досмотр российским и китайским товарам и устанавливать на них цену. В соответствии с этими правилами в кяхтинском промене могли участвовать только русские купцы, иностранцам же, не вступившим в российское подданство, торговать в Кяхте запрещалось. Тогда же в 1800 г. был принят «Тариф для кяхтинской и цурухайской застав», определявший пошлины для главных российских и китайских товаров.

Первоначально приграничная торговля была лишь меновая. Для проведения обмена китайский купец обычно сам отправлялся в Кяхту на меновой двор, где были выложены пробы, а затем шел на дом к владельцу приглянувшегося ему товара, и за чашкой чая они договаривались о цене. После этого покупатель и продавец шли на склад, упаковывали отобранный товар и вместе отправлялись в Маймайчен, где уже русский купец выбирал нужный ему товар.

Деятельность китайских купцов, торговавших на границе, была обставлена множеством формальностей и ограничений. Чтобы отправиться в Маймайчен с товаром, им необходимо было за известную сумму получить от властей в Пекине подорожную (*ляо* 票 ‘билет’). В этом документе указывались фамилия и имя купца, наименование и количество везомого им товара, место рождения купца, название пункта, откуда он выехал с торговой целью. Билет требовалось предъявить военным властям в Калгане (Чжанцзякоу), Гуйхуачэне или в другом пункте в зависимости от выбранного маршрута. В Урге и Кяхте билет проверялся местными чиновниками. За отсутствие или утрату билета купца ожидало суровое наказание: два месяца заточения в тяжелой деревянной колодке — канге, 40 ударов бамбуковой палкой и конфискация половины товара (Хохлов 1982, с. 118).

В Маймайчене селились только мужчины, занимавшиеся торговлей. Население состояло из купцов¹⁹, наемных работников, обслуживавших торговлю, а также многих ремесленников. Помимо крупных купцов, ведущих торговлю фузами, в слободе селились и мелкие, торговавшие в розницу предметами домашнего обихода и съестными припасами. В XVIII в. члены торговых компаний делились на две группы, из которых одна вела торговлю с русскими в Кяхте, а другая отправлялась в Китай за товаром. Доставив товар, прибывшая группа занималась его распродажей, а первая выезжала за новым (Силин 1947, с. 109). Вымененные у русских товары немедленно отправлялись в Китай, так как больших складских помещений в Маймайчене не было. Главным складочным местом, как для товаров, вывозимых из Китая, так и для русских товаров, ввозимых в Китай, был Калган, лежащий на пути из Пекина в Кяхту.

Меновая торговля в Кяхте осуществлялась почти круглый год, усиливалась она в зимние месяцы, когда из Китая приходили большие партии товаров. Доставка товаров из Калгана в Маймайчен осуществлялась через Монголию с сентября по июнь. Остановка перевозки летом объяснялась простой причиной: главным средством доставки был двугорбый монгольский верблюд, который начинает линять в конце марта и к началу июня теряет свою шерсть, в связи с чем ослабевает и неспособен к перевозке (Крит 1862, с. 4).

¹⁹ В путевых заметках многих русских путешественников приводилось описание внешности китайских купцов. Такими, например, увидел их астроном Д. Эрман: «На улицах видны были и китайские купцы в черных шелковых кафтанах и шляпах, украшенных красною шелковою кистью, покрывающею всю голову. На шляпе находится медный крючок, к коему купцы обыкновенно ничего не привязывают, потому что могут привесить одну золотую пуговицу, пуговицы же из разноцветных камней означают достоинство носящих оные. В Китае купцы составляют последний класс. Чтобы защитить себя от холода, они носят род наушников, а бритая голова их бережно прикрывается шелковою шапочкой, которую носят под шляпою. Черные кудрявые волосы висят почти всегда до половины тела. Каждый имеет на правом боку кошелек с табаком и небольшую трубку» (Эрман 1832, 13 июня).

До 1817 г., когда была открыта Нижегородская ярмарка, китайские товары из Кяхты доставлялись в уездный город Макарьев в Костромской губернии и там реализовывались оптом на торговых ярмарках, которые проводились зимой (Крещенская ярмарка), весной (Благовещенская) и летом (Ильинская). Основная масса китайских товаров отправлялась из Кяхты зимой по почтовой дороге через Селенгинск и Верхнеудинск к Байкалу, а затем к Иркутску. От Иркутска китайские товары переправляли летом по воде, а зимой на санях. Судов (дошаников), загруженных этими товарами, выходило по 15–20 в год. Они шли по Ангаре или Тунгуске по течению до Енисея, а затем уже до Енисейска. Там товары выгружали и волоком доставляли за 98 верст на р. Кеть, затем Кетью до Оби, затем Обью до устья Иртыша, где их везли против воды до Тобольска. Отсюда часть товаров отправлялась до Тюмени или Туринска по Верхотурскому тракту на Ирбитскую ярмарку, продолжавшуюся с начала февраля по начало марта. Основная же часть товара шла в Москву или в Пермь сухим путем, откуда по вскрытии воды они направлялись по Каме и Волге до Макарьева (Радищев 1811, с. 98–99; Корсак 1857, с. 365).

Особое процветание Кяхты относится к 1850-м годам, когда наряду с меновой торговлей здесь были разрешены прежде находившиеся под запретом денежные операции. Указ Александра II от 1 августа 1855 г. о новых правилах кяхтинской торговли произвел важные изменения в порядке и условиях ее проведения, разрешив вести торг по свободным ценам без всякого ограничения. И хотя по-прежнему в Кяхте преобладал промен товаров, в целом торговля приняла совершенно иной, более свободный и оборотистый характер.

В 1850–1860 гг. торговый оборот Кяхты составил более 30 млн. рублей в год. В 1862 г. в городе насчитывалось 165 торговых лавок и 276 купцов, проживало 5430 человек (Кяхта 1990, с. 11–12). Кяхту в это время называли «Поселком миллионеров», «Песчаной Венецией», а декабрист Н.А. Бестужев окрестил слободу «Забалуй-городком». О ее благосостоянии красноречиво свидетельствовал утвержденный 22 декабря 1861 г. городской герб. Он представлял собой лазоревый щит с золотой головой дракона (символ города, ведущего торговлю с Китаем) с красными глазами и языком, в окружении четырех слитков золота. «Каждый русский, проживающий в Кяхте, — свидетельствовал путешественник А. Мичи, — за исключением крестьян, имеет собственный экипаж <...>. Ходить пешком здесь считается неприличным, и лишь больные, которым врачи предписывают моцион, прохаживаются в Кяхте и Троицкосавске» (Мичи 1868, с. 70).

В 1851 г. в Кяхте было учреждено градоначальство, и кяхтинские власти установили с каждого ввозимого ящика чая в пользу города налог, который назывался «акцидентией». Часть этих денег направлялась на благоустройство и расширение каменного Воскресенского собора, строительство шоссе от торговой слободы до Троицкосавска, содержание музыкантов, пожарной команды, певчих и клуба — купеческого собрания, где устраивались пышные балы и банкеты (Кяхта 1990, с. 20). О красоте, удобстве и богатстве Кяхты писали многие путешественники. «В Кяхте ревностно занимаются модами, за которыми следят портные и модистки. Посетить кяхтинского купца в охотничьей одежде было бы страшным преступлением. Когда однажды Мичи принял одного кяхтинца рано утром у себя на квартире в туфлях и китайском халате, посетитель пришел в ужас и минуты две не мог произнести ни одного слова. Для удовлетворения своего тщеславия кяхтинцы носили весьма дорогие шубы и пили английский портер, за который им приходилось платить по 4 рубля за бутылку» (Мичи 1868, с. 70–71).

В Кяхте была ключом не только торговая, но и культурная жизнь. В 1830–1840 гг. здесь вели научную работу монголоеды А.В. Игумнов и О.М. Ковалевскай, педагоги и писатели В.П. Паршин и Д.П. Давыдов, ботаник Н.С. Уфтяжанинов,

врач и литератор А.И. Орлов. В 1840–1850 гг. Кяхту–Троицкосавск посещали ссыльные декабристы Н.А. и М.А. Бестужевы.

Кяхтинская торговля продолжала стабильно развиваться до 1860-х годов, хотя уже в начале 1840-х гг. появилась угроза не только ее дальнейшему процветанию, но и существованию. В 1842 г. между Китаем и Великобританией был заключен Нанкинский договор, который произвел серьезные изменения во всей структуре китайско-европейской торговли. Помимо уступки Англии Гонконга Китай открыл для международной торговли пять портов: Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Расширение торговли с европейскими государствами привело к перемещению центров импорта Китая на юг. В Россию через Англию и Соединенные Штаты, а также контрабандным путем через Одессу начинают ввозить дешевый чай. Российское правительство в этот период предпринимает меры, направленные на поддержание конкурентоспособности Кяхты. В частности, к вывозу становятся разрешены ранее запрещенные товары (золотые и серебряные изделия, металлические инструменты и др.), вводятся новые, более гибкие тарифы и пошлины.

Заключенные Россией с Китаем Айгунский (1858), Тяньцзиньский (1858) и Пекинский (1860) договоры открывают и для нее новые китайские рынки. В связи с этим, а также объявлением для всего Забайкалья по приобретении Амура права порто-франко (1861–1909) таможня из Кяхты в 1861 г. была переведена в Иркутск.

20 февраля 1862 г. представители России и цинского правительства подписали документ «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» (中俄陸路通商章程), согласно которому русские и китайцы получили право торговать беспошлинно на расстоянии в 100 китайских *ли* (50 верст) от границ обоих государств (Русско-китайские отношения 1958, с. 42–45). Русские купцы стали отпускать товары через Ургу для распродажи внутри Китая, а также приобрели право на закупку чая непосредственно в чаепроизводящих районах на юге. Традиционный сухопутный маршрут Ханькоу–Кяхта заменил новый водный, проходивший по Янцзы, через Шанхай, затем по морю в Тяньцзинь и далее во Владивосток (Лю Цзай-ци 2011, с. 78). Тогда же началось освоение морского пути от Шанхая до Одессы, где были учреждены коммерческие структуры для торговли кантонским чаем. Это значительно ускорило и удешевило перевозку чая водным путем из Китая в Россию и Европу, а также стало началом окончательного падения кяхтинской торговли. Морская поставка чая носила гораздо более выгодный характер по сравнению с сухопутной: разность расходов по перевозке одного фунта чая составляла 38 коп., и капитал по торговле кантонским чаем находился в обороте не более 5 месяцев, в то же время для кяхтинского чая он составлял 12–14 месяцев. Поэтому торговля через Одессу стала развиваться стремительно: начавшийся в 1862 г. с 9,7 млн. фунтов привоз кантонского чая в Россию к 1869 г. увеличился более чем в 2 раза и составил 22,9 млн. фунтов (Краткий очерк 1896, с. 77–78).

Одновременно снижаются торговые обороты Кяхты. Вместо прежних 120 китайских фуз, торговавших с русскими в 1862 г., в Кяхте к 1870 г. осталось лишь восемь (Краткий очерк 1896, с. 75). Годом тяжелого перелома торговли и благосостояния Кяхты стал 1903-й, когда завершилось строительство Китайско-Восточной железной дороги.

При этом в конце XIX — начале XX в. Кяхта сохраняла свое значение как один из крупных культурных центров Сибири. 3 мая 1862 г. вышел первый номер газеты «Кяхтинский листок», которая публиковалась по четвергам на 6–12 страницах тетрадного формата в течение короткого периода по 10 сентября того же года (обстоятельство, связанное с внезапной смертью главного редактора П.С. Адруцкого). В 1876 г. в городе было открыто Алексеевское реальное училище, в 1887 г. — публичная библиотека. В 1890 г. по инициативе ссыльных народовольцев И.И. Попова

и Н.А. Чарушина и при горячей поддержке Г.Н. Потанина был создан Кяхтинский краеведческий музей, первым директором которого стал известный краевед П.С. Михно. Большую поддержку в становлении музея — ныне одного из старейших и крупнейших в Забайкалье — оказал В.А. Обручев, чье имя было присвоено музею в 1940 г. В 1894 г. было открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества. Во главе его стал краевед Ю.Д. Талько-Гринцевич. В 1897 г. в Кяхте–Троицкосавске начала выходить небольшая газета «Байкал».

В Кяхте и Троицкосавске существовали многие образовательные и лечебные учреждения: женская гимназия, ремесленная школа, три приходских училища, женская бесплатная школа, женская воскресная школа, женский приют, приходское училище в Усть-Кяхте, начальная школа, дом трудолюбия для женщин, богадельня, больница, лечебница. В городе не останавливалась и деятельность различных благотворительных организаций: Общества попечения о бедных, Общества попечения начального образования, Общества взаимопомощи приказчиков (Осокин 1906, с. 25–26).

В дальнейшем Кяхта оказалась вовлеченной в тяжелые испытания грянувших революций и войн. В 1920–1921 гг. здесь находился центр деятельности монгольского государственного и политического деятеля Д. Сухэ-Батора (1893–1923). 1 марта 1921 г. в Кяхте проходил Первый съезд Монгольской народной партии, в мае–июне того же года за Кяхту–Троицкосавск разразись бои с участием армии барона Унгерна. В том же году трагическая судьба постигла китайский Маймайчен — он был полностью уничтожен пожаром. Панорама большого пожара Маймайчена представлена сейчас в музее монгольского г. Алтанбулаг, на территории которого ранее располагалась китайская торговая слобода.

В настоящее время Кяхта — город районного значения, административный центр Кяхтинского района Республики Бурятия.

Словари кяхтинского пиджина

Первым на специфическое произношение говоривших по-русски маймайченских китайцев указал в печати академик П.С. Паллас, чьи путевые заметки увидели свет на немецком языке в 1771–1776 гг. и на русском в 1788 г.: «Здесь на границе торгующие китайцы все разумеют по-мунгальски, также и русские говорят или сами оным языком, или через приставленных к тому присяжных толмачей; многие также говорят и по-русски, но так худо, и выговор их столь мягок и несовершенен, что новоприезжий насилу его разуместь может. *Рцы* (звук *p*. — *И.П.*, *Т.Т.*) они вовсе выговаривать не могут, а вместо того говорят они все *люди* (звук *л*. — *И.П.*, *Т.Т.*); слоги, состоящие из многих безгласных литер, каких в русском языке довольно, разделяют они и расставляют вмещенными гласными, и это оба такие пороки, коих ни в Татарии, ни в Мунгалии, ни в калмыках, ниже в других азиатских народах, по-русски говорить учащихся, никак не приметно» (Паллас 1788, с. 182).

«Странный» выговор русского языка китайских торговцев на границе подметил и Ю.Г. Клапрот (1783–1835), чьи путевые наблюдения, а также исторический очерк русско-китайских отношений и разграничения территории между Российской и Цинской империями сначала были опубликованы по-немецки в 1809 (анонимно)²⁰ и 1810 гг., затем по-русски в 1816 г. в сокращенном переводе Андрея Ефимовича

²⁰ Авторство брошюры приписывается Ю.Г. Клапроту, но строго не доказано. Русский перевод см.: (Пономарева 2015).

Мартынова (1768–1826)²¹. Во французском переводе (1824, переизд. 1826) ряд наименований и терминов сопровождается иероглификой. О китайцах, наблюдаемых в Кяхте и Маймачене, Ю.Г. Клапрот написал, в частности, следующее: «Они почти все очень хорошо говорят по-монгольски. Многие из них знают столько по-русски, что сами могут отправлять торговые свои дела, но выговор их весьма невнятен, так, напр[имер], вместо: *двадцать пять монет*, они говорят: *туа-зе-ти пиати мониза* и пр.» (Клапрот 1816, с. 125)²².

Е.Ф. Тимковский, пристав, сопровождавший в 1820–1821 гг. 10-ю Духовную православную миссию, указал уже не просто на специфику русского выговора маймайченских китайцев, но на существование особого «кяхтинского российско-китайского наречия» (Тимковский 1824, ч. 1, с. 184), а также на наличие словарей этого наречия. В 1-й части своего «Путешествия» Е.Ф. Тимковский пишет об «испорченном и смешном наречии, на коем производят важные коммерческие дела шааньсицы²³ (торговцы из китайской губернии Шааньси) на Кяхте с нашими купцами, которые никогда не учатся по-китайски. Например, лошадь они называют *лошка*, вместе — *замесяц*, Федор — *фетел*, двадцать пять монет (копеек) — *туацети пяти мониса* и проч. Китайские купцы составили даже большие словари на сем непонятном наречии» (Тимковский 1824, ч. 1, с. 66).

О словарях русского языка, составляемых маймайченскими купцами, упомянул и выдающийся китаевед Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), который в 1831 г. в журнале «Московский телеграф» опубликовал заметку «Письмо из Кяхты»: «...изворотливые китайцы недолго думали о трудностях нашего языка. Они сделали у себя постановление, чтобы каждый мальчик, предназначенный для торговых дел в Кяхте, по прибытии сюда непременно обучался русскому языку. На сей конец в каждой лавке составлен небольшой китайский словарь с русским переводом, написанным китайскими буквами. Но как китайский язык не имеет изменения в словах по окончаниям, и, сверх того, нет в нем созвучных слов для тонического переложения наших слогов, имеющих по две и по три согласных букв, то из перевода приятелей образовалось особое русское наречие, в котором наши слова, обезображенные произношением, употребляются в том виде, как были внесены в словарь, без малейшего изменения по окончаниям» (Бичурин, 1831, с. 142–143). Н.Я. Бичурин также зафиксировал в своей заметке 15 фраз кяхтинского пиджина.

Пребывание Н.Я. Бичурина в Кяхте в 1830–1832 гг. было связано с его участием в инспекционной поездке по Сибири востоковеда и государственного деятеля Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта (1786–1837)²⁴. Служивший в министерстве иностранных дел П.Л. Шиллинг был командирован для изучения вопроса, связанного с распространением в Забайкальском крае буддизма и непрерывным увеличением количества лам. Помимо изучения положения монголо-бурятского духовенства, П.Л. Шиллинг имел поручение обследовать состояние торговли на русско-китайской границе.

²¹ Заметки Ю.Г. Клапрота позже вошли в состав собрания его сочинений на французском языке (Klaproth 1824).

²² В немецком оригинале: «Sie sprechen fast alle Mongolisch, welches sie auf ihren Handlungsreisen durch die Mongolei sehr gut lernen. Viele unter ihnen wissen auch so viel Russisch, dass sie alle ihre Handlungsgeschäfte allein abmachen können, nur ist ihre Aussprache sehr unverständlich. So sagen sie z. B. für двадцать пять монети — *Tuá-ze ti pja-ti Monisa* u. s. w.» (Klaproth 1810, S. 216). Во французском переводе: «Presque tous les négocians chinois parlent le mongol, qu'ils apprennent pendant le voyage de Peking à la frontière. Il y en a aussi qui parlent assez le russe pour faire leurs affaires sans avoir besoin d'un interprète; mais leur prononciation est souvent inintelligible. Ils disent par exemple *Toua tse ti pia ti moniza*, au lieu de *Двадцать пять монети*» (Klaproth 1824, p. 66–67).

²³ Так в тексте.

²⁴ Дом 31 по нынешней улице Рокоссовского в Кяхте, который снимали П.Л. Шиллинг и Н.Я. Бичурин, не сохранился.

По результатам поездки П.Л. Шиллинг составил целый ряд отчетов и донесений, в том числе обстоятельную «Записку о прежнем и нынешнем положении кяхтинской торговли». Характеризуя в «Записке» китайское маймайченское купечество, П.Л. Шиллинг также отметил наличие у китайских купцов словарей русского языка: «Все подданные китайской державы имеют право торговать в Кяхте, но пользуются сим почти исключительно обитатели губернии Шаньси. <...> Жители губернии Шаньси в самом Китае почитаются искуснейшими в торговле. Тонкость и основательность в расчетах, единодушие и твердость в действиях суть отличительные их качества. Желая производить торговые дела с русскими без посредства толмачей, они все обучаются русскому языку. На сей конец у них в каждой лавке составляется особый словарь, в котором под китайскими словами подведены русские, тонически написанные китайскими же буквами. Из сего составилось в Кяхте самое странное и искаженное наречие, на котором китайцы объясняются с русскими»²⁵.

В январе 1830 г. в связи с давними пожеланиями местного купечества Н.Я. Бичурин начал в Кяхте преподавание китайского языка²⁶. Главной целью этого предприятия было воспитание переводчиков-практиков для обслуживания приграничной торговли. Учащиеся осваивали «разговоры, содержанием коих были предметы, обыкновенные между торгующими в Кяхте». Свои знания они впервые продемонстрировали на экзамене 13 сентября 1831 г. в присутствии П.Л. Шиллинга, а также всех членов возвращавшейся из Пекина 10-й Духовной православной миссии (Бичурин 1831, с. 141–142). Официально высочайше учрежденное и находящееся в заведовании министерства финансов по департаменту внешней торговли Училище китайского языка в Кяхте было открыто 28 ноября 1832 г. Примечательно, что в небольшой заметке в «Журнале Министерства народного просвещения» об открытии училища в Кяхте были упомянуты китайцы, «изъясняющиеся весьма плохо при ограниченном знании некоторых русских исковерканных ими слов» (Об открытии училища 1835, с. 569).

Специально для нужд преподавания Н.Я. Бичурин составил «Китайскую грамматику», которая обобщила весь существовавший в мировой синологии опыт изучения китайского языка и почти на столетие стала основным учебным университетским пособием в России. Работая над текстом «Грамматики», Н.Я. Бичурин использовал словарь (или словари) маймайченского наречия в качестве источника, о чем свидетельствует «прибавление» (приложение к «Грамматике»), содержащее названия кяхтинских отпускных и ввозимых товаров на русском и китайском языках (Бичурин 1835, с. 220–237) (см. факсимиле, с. 585–603 наст. изд.). В предисловии к «Грамматике» Н.Я. Бичурин также упоминает об «исковерканном русском наречии», бытующем среди китайцев в Кяхте и Маймайчене (Бичурин 1835, с. XVIII).

Составленный Н.Я. Бичуриным перечень товаров кяхтинского торгового языка был не единственным словариком такого рода, имевшим хождение среди русского купечества. А.А. Жиров указал, что «немало усилий для составления русско-китайского словаря» приложил С.М. Немчинов, представитель известной кяхтинской фамилии (Жиров 2005, с. 159). В Архиве востоковедов ИВР РАН в фонде монголоведа О.М. Ковалевского (1801–1878) сохранился рукописный словарик, содержащий китайские названия товаров приграничного торгового языка, а также их русскую

²⁵ Шиллинг П.Л. Записка о прежнем и нынешнем положении кяхтинской торговли. лл. 11об.–12.

²⁶ До этого в 1790 г. при Иркутском народном училище были учреждены классы для обучения нескольких человек китайскому, маньчжурскому и монгольскому языку, но за неимением подготовленных учителей эти классы были в 1794 г. закрыты (Силин 1947, с. 116).

транскрипцию в нормативном пекинском произношении и перевод²⁷. В 1827–1831 гг. О.М. Ковалевский находился в Иркутске, откуда осуществлял поездки в Монголию и Китай и в это же время занимался вопросами организации Русско-монгольской войсковой школы, открытой в Троицкосавске в 1833 г. В августе 1830 г. О.М. Ковалевский находился в Кяхте одновременно с экспедицией П.Л. Шиллинга (Полянская 2004, с. 155).

С 1830-х годов в российской столичной печати начинают появляться небольшие журнальные и газетные заметки о быте Маймайчена с упоминанием удивительного кяхтинского (маймайченского) языка. Астроном Д. Эрман публикует в ряде выпусков газеты «Северная пчела» «Отрывки из дневника путешественника по Сибири». В номере за 13 июня 1832 г. он пишет о китайцах, ведущих торговлю с русскими на границе: «Они говорят варварским языком, составившимся при торговых сношениях кяхтинских и маймачинских купцов. Так как сии последние уже около двадцати лет ежегодно приезжают на границу, то жители Кяхты, находящиеся в непрерывном с ними сношении, приняли все вольности, которые китайцы позволяют себе в употреблении русского языка, и таким образом составилось особое наречие, вовсе непонятное для русского» (Эрман 1832).

В одном из номеров газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1864 г. была опубликована небольшая заметка «Русско-китайский язык», в которой нашему пиджину была дана такая характеристика: «Язык этот не китайский и не русский, а известный под именем кяхтинского торгового языка, на котором ведутся переговоры между русскими и китайцами. Изобретен почти исключительно самими китайцами и так установился, что сделался чем-то узаконенным, прочным, не подверженным случайным изменениям»²⁸.

Позже именно кяхтинское наречие становится первым пиджином на русской основе, привлечшим внимание профессиональных лингвистов. Наиболее ранней специальной публикацией, содержащей грамматический анализ кяхтинского пиджина, стала статья С.И. Черепанова (1853)²⁹, затем появились заметки А.А. Александрова (1884) и Г. Шухарта (1884). Известно, что С.И. Черепанов специально собирал слова кяхтинского пиджина и доложил о своих результатах Академии наук, о чем свидетельствует выписка из протокола заседания Отделения русского языка и словесности за апрель 1853 г.: «Титулярный советник Черепанов представил в Отделение Сборник областных слов, собранных им в губерниях Иркутской, Енисейской, Томской, Тобольской и Пермской. Вместе с тем г. Черепанов доводит до сведения Отделения, что он имеет собрание слов, употребляемых в Кяхте. Положено: просить г. Черепанова о доставлении сборника Кяхтинских слов» (Извлечение из протоколов 1853, стб. 203).

Примеры выражений и краткие характеристики торгового кяхтинского языка приводились в мемуарной, художественной литературе, записках путешественников (Пясецкий 1880, с. 14–23, 363–368; Максимов 1909, с. 276–282; и многие др.).

Остаются невыясненными история составления и возможные источники бытовавших в Маймайчене словарей. В своей известной заметке С.И. Черепанов указал, что словари русского языка китайцы составляли с помощью монголов, знающих

²⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 29, оп. 1, ед. хр. 2. Небольшой по объему рукописный словарь содержит 7 листов на плотной белой бумаге размером 22,5 × 34,2 см, размер рамки 19,5 × 23,6 см. Листы разлинованы черной тушью на 18 строк, в каждую из которых вписано по одному слову. Всего таких слов в словаре 249 (на последней странице присутствует 15). Помимо наименований товаров, систематизированных по сортам, в словаре приводятся названия предметов быта, одежды, продуктов питания и пр.

²⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 1200 (А.Г. Шпринцин), ед. хр. 109, б/п.

²⁹ Выдержки из статьи С.И. Черепанова были опубликованы в «журнале для девиц» «Лучи» (Русско-китайское наречие 1854).

китайский язык и собиравших названия предметов и объяснения слов от русских, знающих монгольский язык. От этого многие русские слова, особенно глаголы, получили окончание монгольских глаголов (пить — *тиху* (монг. *уху*); кушать — *кушаху* (*зоглоху*)) (Черепанов 1853, с. 371–372). Примечательно, что С.И. Черепанов говорит не о рукописных, а о ксилографических словарях, «по китайскому способу книгопечатания вырезанных на крепком дереве и отпечатываемых для имеющих надобность учиться русскому языку» (Черепанов 1853, с. 371). Позже, очевидно, под влиянием С.И. Черепанова, языковед С.К. Булич в статье о маймайченском наречии для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона упомянул о печатании в Китае «особых руководств (китайскими иероглифами)» для изучения русского языка (Булич 1896, с. 381). О наличии таких пособий писал и Г.М. Осокин: «Для облегчения китайцам изучения русского языка почти с первых годов китайским правительством были выпущены учебники русских слов и отдельных фраз. В учебниках тех слова были написаны китайскими буквами, а так как в китайской азбуке нет совершенно некоторых звуков, то они заменялись такими, какие мог выговорить китаец, откуда и была положена первая неправильность произношению; впоследствии же и сами русские, желая быть более понятыми, старались коверкать как слова, так и состав предложений. Результатом этого и явилось то наречие, на котором все время объяснялись и объясняются китайцы с русскими и которое изучают вновь прибывающие в Маймачен китайцы. Не преувеличивая, можно сказать, что почти все китайское население говорит и понимает по-русски. Наречие это существует не только в Забайкалье, но одинаково и на всей русско-китайской границе Восточной Сибири. Говорящих относительно правильно китайцев здесь очень немного, и в большинстве только те из них, которые продолжительное время прожили за пределами Забайкалья» (Осокин 1906, с. 58–59).

Приведенные выше свидетельства относятся к периоду заката Кяхты, и, очевидно, в поле зрения исследователей попадали изданные ксилографическим способом русско-китайские разговорники, связанные с другими регионами распространения русско-китайского пиджина³⁰. Однако поиски печатных изданий словарей, предназначенных именно для использования в Кяхте и содержащих лексику кяхтинского торгового языка, для авторов настоящей публикации успехом не увенчались, — все известные нам пять копий словарей кяхтинско-маймайченского пиджина являются рукописными.

Не находят также подтверждения в китайских источниках данные о правительственных предписаниях, обязывающих любого мальчика, работающего по торговым делам в Кяхте, учить русский язык, или о специальной школе русского языка в Калгане, выпускники которой должны были сдавать особый экзамен (Максимов 1909, с. 277).

Наиболее ранним пособием для изучения русского языка в Китае, помимо словарей кяхтинского пиджина, является рукописная грамматика «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка» 俄羅斯繙譯捷要全書 (*Элосы*

³⁰ В разное время были изданы: (1) 中俄話本 Книга китайско-русских разговоров. Английский подзаголовок: Russian and Chinese conversation. Составил Кауфман 俄國高福滿. Шанхай, 1902; (2) 中俄通俗話本 Книга русско-китайских простонародных разговоров. Сост. совместно русским 麥斯克 (Майский) и китайцем 李明清. Шанхай, 1913; (3) 華俄初語. Первоначальные китайско-русские разговоры. 6-е изд. Харбин, 1927. Эти издания были упомянуты в материалах А.Г. Шпринцина, который приводит название еще одного известного ему пособия: 清我會論俱全較正無訛 Полное собрание китайско-русских разговоров. Проверено и исправлено, без ошибок. Литография, без даты издания, но по наличию иероглифа 清 — до 1911 г. (ОР РНБ. Ф. 1200 (А.Г. Шпринцин), ед. хр. 12, л. 5). Последнее издание авторам данной публикации неизвестно, название его, очевидно, все же 俱全較正無訛清俄會話.

фаньши цзэю цюаньшу, *Оросламэ убалямбуха ойонго бабэ тучибухэ ионии битхэ*), уникальный учебник, который стал первой в мировой синологии попыткой представить европейский язык средствами китайского и маньчжурского. Впервые об этой грамматике, хранящейся в рукописном собрании ИВР РАН (шифр С-72), упомянул в 1932 г. Поль Пеллио (Pelliot 1932, p. 109), затем в 1963 г. М.П. Волкова опубликовала ее краткое описание.

Грамматика была составлена для потребностей преподавания в Школе русского языка (*Олосы вэньгуань* 鄂羅斯文館), основанной в Пекине около 1705 г. при Государственной канцелярии (*Нэйгэ* 內閣) Цинской империи. Основная часть текста представляет собой перевод наиболее распространенной в России до начала XVIII в. грамматики церковнославянского языка «Грамматіки Славѣнскіа прѣвилное Сѣнтагма», опубликованной в 1619 г. Мелетием Смотрицким (ок. 1577 — 1633). К переводу этой грамматики зимой 1738 г. приступили преподаватели Школы Иларион Россохин (1717–1761) и маньчжур Фулэхэ. Вместе они составили десять тетрадей рукописи. В 1745 г. Алексей Леонтьев (1716–1786) продолжил перевод и добавил к имеющимся тетрадям еще четыре. В рукописи С-72 представлены переводы разделов «Этимология» и частично разделы «Орфография» и «Синтаксис» грамматики Смотрицкого³¹.

Наличие такого пособия является интереснейшим фактом истории преподавания русского языка в Китае, но нами не выявлено прямых свидетельств какого бы то ни было влияния этой грамматики на изучение русского языка маймайченскими купцами. Е.П. Силин предположил, что первыми учителями русского языка в Китае могли быть потомки албазинцев, поскольку до появления в Пекине русских караванов и миссий именно они выполняли функции переводчиков (Силин 1947, с. 110). С.В. Максимов указал, что торговому русскому языку китайцы обучались в Калгане у учителей из бедняков, «живавших при милостях в Кяхте» (Максимов 1871, с. 581). Есть сведения, что со своей стороны русские купцы, стремясь придать торговле с Китаем более широкий и планомерный характер, предпринимали попытки изучать китайский язык (Скачков, 1977, с. 86). Маймайченские же китайцы стремились не только научиться говорить, но и писать по-русски, что некоторым из них вполне удавалось (Осокин 1895, с. 44; 1906, с. 46).

В современном языкознании изучение контактных языков является весьма актуальной задачей. Большинство пиджинов исследовалось на основе английского, французского, португальского и испанского языков. Китайские пиджины (на основе английского и португальского) изучались начиная с середины XIX в., для них были составлены учебники, разговорники (см.: Hall 1944; Ansaldo, Mattew, Smith 2012). Русские пиджины особенно активно исследовались в последние два десятилетия

³¹ Рукопись С-72 состоит из 14 тетрадей: 1-я тетрадь включает две части: предисловие Фулэхэ и вводную часть грамматики, содержащую начертание букв русского алфавита, список слов церковного обихода и список числительных. 2-я тетрадь содержит лексику по системе категорий, принятых у китайцев (небо–земля–человек и т.д.). В тетрадях 3–11-й и 14-й изложены собственно правила грамматики русского языка под следующими заголовками: 3. «Книга о сочинении глагола»; 4. «Книга союзов»; 5. «Изъяснением разделен смысл и нужды высоких речей»; 6. «Разделение речей и глаголов»; 7. Без названия, излагает правила изменения по падежам; 8. Без названия, о предлогах; 9. Без названия, о согласовании слов; 10. «Правила употребления книжных речей»; 11. «Изложено вообще всех видов и склонений приклады»; 12. Без названия, о различных изменениях слов; 14. Без названия, содержит список наиболее обиходных русских слов. В 12-й тетради приведены в переводе на русский разговорные фразы маньчжурского языка, взятые из грамматики *Цин вэнь цимэн* 清文啓蒙, составленной Шоу Пинем 壽平 в 1730 г. В 13-й тетради, озаглавленной «Правила для учащихся», изложены наставления ученикам, правила поведения на занятиях и порядок обучения русскому языку.

(см. библиографию обобщающей работы Е.В. Перехвальской 2008, с. 347–363). При этом изучение кяхтинского маймайченского пиджина, в том числе в сравнительно недавних фундаментальных статьях Дж. Николс (1986), А.Ю. Мусорина (2004), Р.М. Шапиро (2010), осуществлялось почти исключительно на основе материалов, опубликованных в XIX — первой половине XX в.

Во многом благодаря составленным китайскими маймайченскими купцами словарям кяхтинский пиджин получил долгую историю бытования. После заключения Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров территория российско-китайской двухсторонней торговли значительно расширилась, и кяхтинский пиджин распространился по всему пути Кяхта — Урга (Улан-Батор) — Пекин и вдоль российско-китайской границы. С конца XIX в. зона использования стабилизированного пограничного русско-китайского пиджина включает всю территорию Маньчжурии, и с этого времени здесь и затем на всем российском Дальнем Востоке получает хождение близкий к кяхтинскому дальневосточный русско-китайский пиджин — модифицированная и адаптированная к современным условиям версия кяхтинского (маймайченского) пиджина.

Исследованием этого языка в 1927 г. занимался профессор Дальневосточного государственного университета А.П. Георгиевский (Георгиевский 1927). Ценным и, к сожалению, неопубликованным источником являются полевые материалы советского китаевода А.Г. Шпринцина, который летом и осенью 1928 г. проводил исследования наречия китайцев российского Приморья. Его записи отложились в Архиве востоковедов ИВР РАН (Р. I, оп. 1, ед. хр. 267, 268) и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1200). Среди материалов А.Г. Шпринцина в ОР РНБ имеются обширные картотеки, черновые машинописные тексты его дипломной работы «Основные грамматические замечания к китайско-русскому диалекту на Дальнем Востоке» (1929 г.)³², а также «План монографии о китайско-русском диалекте» (1931 г.)³³.

В новейших условиях общения российского и китайского населения с конца 1980-х годов вдоль границы появляются более современные новообразования российско-китайского пиджина, изучение которого продолжается в настоящее время (см.: Оглезнева 2007, 2009; Ян Цзе 2007; Перехвальская 2008).

Предметы кяхтинского торго

Значительную часть лексики словарей кяхтинского пиджина составили названия товаров приграничного торго, распределенные по тематическим разделам. В наиболее полном из наших источников — словаре А имеется 20 разделов:

1. Числа 一應數目等項第壹
2. Разновидности цветов 一應顏色等類第貳
3. Разновидности шелковых и атласных тканей 一應紬緞綾羅紗絹等類第參
4. Разновидности грубых и тонких холщовых тканей 各樣梭布平機類第肆
5. Наименования чаев и пр. 各樣茶名等類第伍
6. Разновидности тонких и грубых мехов 各樣粗細皮毛等類第陸
7. Птицы, звери, насекомые, рыбы и пр. 各樣禽獸走獸蟲魚等類第七

³² ОР РНБ. Ф. 1200, ед. хр. 12 (58 лл.); 13 (80 лл.); 14 (104 лл.).

³³ ОР РНБ. Ф. 1200 (А.Г. Шпринцин), ед. хр. 64 (21 лл.). В соответствии с планом работы на 1931 г. А.Г. Шпринцин также предполагал подготовить к печати «тексты на китайском-русском диалекте» с транскрипцией и словарем к текстам.

8. Небо, земля, календарь и пр. 天地年月日時等類第八
9. Города, предместья, храмы, дороги, горы, реки и пр. 城郭廟宇道路山河等類第九
10. Государяи, статские и военные чины, монахи, бесы и божества, люди и пр. 帝王文武僧道鬼神人物類第拾
11. Родственники, свойственники и пр. 宗族親眷等類第拾壹
12. Тело, наружность, болячки, болезни и пр. 身體面目瘡疾第拾二
13. Одежда и пр. 衣服等類第拾叁
14. Государственные установления и народные обычаи русских 回國士俗民情規矩類第[拾]四
15. Золото, серебро, жемчуг и пр. драгоценные товары 金銀珠寶貨類第拾五
16. Меры длины, веса, виды товаров и пр. 壹概尺寸件色箱等類第拾六
17. Мелкий товар и пр. 壹應零星貨物等類第拾柒
18. Злаки, овощи, фрукты и пр. 五穀菜蔬菓品類第拾捌
19. Ученые слова и выражения и пр. 學話提綱等類第拾九
- [20]. Российские географические наименования и местные товары 俄羅嘶國內地名並所出土產處.

В словаре *В* разделы перепутаны; содержание же в целом идентично словарю *А*. Первый раздел не выделен, заголовок отсутствует, за ним следует 10-й раздел 各樣哈喇回布羽毛毯子回絨金線鏡子鐵頁第十號 «Сукна, шерстяные ковры, вельветы, мишура, зеркала, металлические изделия».

Затем разделы со 2-го по 9-й:

2. Города, храмы, дороги, горы, реки и пр. 城池廟宇道路山河類第二號
3. Правители, гражданские и военные чины, святые, люди и пр. 帝王文武僧道神鬼人物類第三號
4. Родственники, свойственники, односельчане и пр. 宗族親眷鄉黨類第四號
5. Тело, наружность, болезни, болячки и пр. 身體面目瘡疾患類第五號
6. Одежда и головные уборы и пр. 衣服冠帶類第六號
7. Цвета и пр. 顏色類第七號
8. Наименования различных чаев и пр. 各樣茶名類第八號
9. Кожаные и пушные товары и пр. 各樣皮毛貨類第九號

В первые годы при возникновении российско-китайского пограничного торгова в XVIII в. основными товарами, получаемыми из Китая, были хлопчатобумажные ткани, или «бумажные товары» (более двух третей от всего торгова), чай (более одной четверти) и шелк. Из всех хлопчатобумажных тканей семь восьмых составляла бумажная материя — китайка, которая расходилась по всей России и широко использовалась на пошив женских платьев (Радищев 1811, с. 92). Именно 'китайка ординарная или простая', 'торговая китайка или малая пекинская даба' (小京布) служила первоначально единицей промена, по которой оценивались все прочие товары кяхтинского торгова. Такая китайка называлась также *тюневой*, от слова *тюнь* (место, тюк)³⁴, в который укладывалось по десять концов (отрезов) китайки длиной около 2,5 м каждый (Жорсак 1857, с. 88). В зависимости от типов переплетения она именовалась лощеной или нелощеной. Обыкновенная тюневая китайка была большей частью темно-синего цвета. У русских купцов большим спросом пользовались также китайки вишневого и темно-желтого цветов, и чем цвет был темнее, тем китайка

³⁴ Заметим, что ни в одном из публикуемых словарей нет транскрипции схожего по значению и употреблению слова «цыбик», вошедшего в русский язык в значении «ящик с чаем, чайное место», от монг. *cebeg* 'плетушка'.

считалась лучше. Отрезы разных цветов были обычно смешаны в тюне, и «выбирать не позволялось» (Корсак 1857, с. 90).

Под китайским именем бумажной материи *дабу* (*ta-pu* 大布 ‘холст’) русским были известны ткани — даба³⁵ (или ‘торговая тонкая даба’, используемая почти исключительно для летней одежды) и более грубый чалдар. Дабы имели хождение в Сибири и почти не были известны в остальной части России. Городской и сельский народ приобретал их для пошива рубах: «...те, которые позажиточнее, на повседневные, прочие же — на праздничные» (Радищев 1811, с. 92). В словарях приведены разнообразные названия даб — ‘большая пекинская даба (лямушка)’, ‘тонкая даба’, ‘обёрная даба (грубая даба)’, ‘манерка-даба (узорчатая даба)’ и др. Применительно к дабам наши словари часто используют определение ‘бухарская (мусульманская)’, например, ‘белая бухарская даба’ 白徇(回)布 или ‘полосатая бухарская даба’ 道子徇(回)布 (В:03а-08) и др., что объясняется, конечно, посреднической торговой ролью бухарцев. При этом китайскому значению слова ‘мусульманский’ дается перевод ‘русский’ 五路史坎 u-läu-sj-k’æ (*улоусыкэ*).

В числе шелковых товаров выменивались в первую очередь камки, шелковые цветные тонкие ткани, выполненные сочетанием атласного и других типов переплетения.

Самые лучшие их сорта назывались *голи* или *большие голи*, камки похуже именовались полуголями или маленькими голями. Шелковые ткани самого высокого качества назывались *фанзами*, очень ценилась, например, цилинговая фанза — шелк яркого цвета сандала или оттенка красного. Тонкий узорчатый шелк назывался *ляндза* (*линдза*, *лендза*), причем словари кяхтинского пиджина упоминают двойную ляндзу и одинарную ляндзу. Поставлялись и менее дорогие плотные шелковые ткани, гродетур, названия которых в произношении русских звучали как *цанча* 繭紬, *гунча* 宮紬 (дворцовый гродетур), *нинча* 寧紬 (гродетур из города Цзяннинфу — Нанкин) (В:01а-09) (Бичурин 1835, с. 233) Присутствовали на рынке в Кяхте и грубые шелковые материи, а также в незначительном количестве шелк-сырец. Из атласов наилучшими считались *канфы*.

В конце XVIII в. китайки доставлялось в Кяхту более 300 тыс. тюней, дабы — 200–380 тыс. концов, шелкового крепа и пр. — от 600 до 4000 кусков (Корсак 1857, с. 87), вошанки фанзовой — до 1700 кусков, бархата — до 10 тыс. аршин, стамеда (шерстяной ткани) — 100–250 штук (Радищев 1811, с. 92). Хлопчатая бумага продавалась в так называемых куклах — свертках, весивших по три четверти фунта, т.е. около 350 г (считая фунт за 453,6 г), и стоимших по 9 или 10 коп.

Из Китая шли и другие ткани — флер, креп. Импорт шелка из Китая не был большим, что объяснялось отсутствием спроса, так как в России существовала собственная развитая шелковая промышленность: в правление Екатерины II в стране насчитывалось 150 шелковых мануфактур (Бурнашев 1833, с. 18).

В XVIII в. основными предметами промена с российской стороны в Китай были пушнина, сукна, юфть, железо и медь в изделиях, живой скот, продукты питания. Основную статью составляла пушнина разного наименования, в 1780–1784 гг. она составляла до 85% торгового оборота (Корсак 1857, с. 74). Все меха сбывались китайцам в невыделанном виде. Более половины пушного товара составляли белки и мерлушки, и четверть приходилась на горностаев, кошачьих и хорьков (Радищев 1811, с. 82). Однако со временем вывоз мягкой рухляди через Кяхту заметно сократился, в 1824–1828 гг. пушнина составляла уже 50,7% экспорта, в 1836–1840 гг. ее доля упала до 34,5% (Хохлов 1989, с. 42).

³⁵ *Даба* — китайская бумажная ткань, бумажный холст, белый и крашеный, «любимый народом по дешевизне» (Даль, т. 1, с. 412).

В 1780-х годах в Кяхте ежегодно променивалось от 2 до 4 млн. шкурок белки. Словари приводят целый ряд ее наименований, связанных с местами добычи, — якутская, иркутская, ленская, обская, закаменная, аргунская, охотская. Самыми дорогими сортами были илетская (добываемая близ Тюмени в лесах Илетского Волока) и телеутская (телеутка); тысяча первой покупалась за 40, второй за 60–65 руб. Высоко ценились также нерчинская и обская, причем сорт обской белки китайцы предпочитали всем остальным. После белки по количеству продаж шли горностаи, ежегодно их променивалось от 140 тыс. до 400 тыс. штук. Лучшими сортами считались илетские, ялutorовские, ишимские, барабинские. В большом количестве продавались в Кяхте шкуры мелких диких кошачьих, к концу XVIII в. их количество достигло 300 тыс. (Корсак 1857, с. 75–76).

Среди пушных товаров в словарях кяхтинского пиджина также упомянуты соболь, хорек, выхухоль. Перечислены разнообразные сорта лисицы — корсак, сиводушка и белодушка, чернобурая и черная, красная (огнёвка, огнёнка). Последние считались самыми лучшими из обыкновенных сортов и первоначально пользовались большим спросом, но к концу XVIII в. их уже не променивали в Кяхте. Русских черных сиводушек сбывалось в Кяхте от 2 до 4 тыс., а белодушек от 6 до 20 тыс. штук ежегодно. Лисиц чернобурых, сивобурых и черных от 300 до 1200 (Корсак 1857, с. 77).

Русские и камчатские бобры и выдры были самым дорогим и выгодным пушным товаром, промениваемым китайцам. Русский бобр (еще его называли гладкий или черный бобр) добывался в Сибири, лучшими его сортами считались добытые на р. Таса и печорские. Камчатский или морской бобр пользовался наибольшим спросом, но на самом деле это был мех морской выдры, который появился в Сибири после освоения Камчатки под местным названием *какани*; впоследствии за ним закрепилось наименование камчатского или морского бобра. Камчатских и русских бобров в 1780-е годы променивали в Кяхте от 2 до 4 тыс. В Китай сбывались также белые и голубые сорта песцов, которых променивалось от 10 до 15 тыс. ежегодно (Корсак 1857, с. 78–79).

Из иностранной пушнины наибольшее количество приходилось на бобров и выдр, а также выхухoley и лисиц. Выдровые и лисьи меха ввозились из Северной Америки через Англию, Финский залив и оттуда сухим путем в Кяхту. После бобровых и выдровых мехов из иностранной мягкой рухляди в Кяхте довольно много променивалось лисицы.

Помимо продуктов звероловства, значительный сбыт имели в Кяхте мерлушки и овчины, которых в конце XVIII в. променивалось от 600 тыс. до 1 млн. шкур ежегодно (Корсак 1857, с. 82–83).

Часть российских мануфактурных и заводских товаров составляли кожевенные (юфть, сафьян, козловые и опойковые, бычьи кожи). Производство кож издавна было основой российской промышленности. Еще до установления кяхтинского торгового жителя Сибири меняли в Урге юфть на скот. Через Кяхту шли в основном красная и черная юфть, доставлявшиеся как из Сибири, так и из остальной части России — Москвы, Ярославля, Вологды и Устюга. Во второй половине XVIII в. ежегодно выменивалось от 50 до 80 тыс. кож юфти, а козловых и опойковых кож до 50 тыс. (Корсак 1857, с. 84). Кожевенных фабрик и заводов в России в 1812 г. насчитывалось 1150, в 1825 г. — 1784; для сравнения: полотняных соответственно 169 и 196 (Бурнашев 1833, с. 40–41). В 1828 г. количество кожевенных заводов в России было доведено до 2 тыс., на них выделялось до 3 млн. кож (Корсак 1857, с. 50).

Сукна, реализуемые русскими купцами через Кяхту, первоначально все были иностранного производства, причем господствовали среди них прусские сукна, которых в год выменивалось до 60 тыс. аршин (Корсак 1857, с. 86). Немецкие, а также

присутствовавшие на кяхтинском рынке голландские, английские, французские и другие сукна доставлялись в Сибирь через Архангельск. Иностранное сукно было большей частью толстые и средние, ярких и светлых цветов (красные, лазоревые и желтые). Разделы «Цвета» в кяхтинских словарях отличаются большой точностью в передаче самых разных оттенков синего, красного, желтого и др., что, очевидно, диктовалось спросом именно на ткани.

В 1817 г. Пруссия заключила с Россией конвенцию, по которой русскому купечеству было предоставлено право на транзитный провоз силезских сукон через Россию в Кяхту и на другие азиатские таможи. По положению о транзите от 31 декабря 1818 г., русским подданным позволялось выписывать из Пруссии для отпуска в Азию сукна под названием тридцатых, бенковых (бенклевых), карновых и масловых, а также мезерицких, называемых триголовыми, четырехголовыми и пятиголовыми (Краткий очерк 1896, с. 34). Недорогие и качественные масловые и мезерицкие сукна, получившие свои наименования от городков Масло и Мезерич в Силезии, наряду с хлопчатобумажными изделиями вплоть до 1860-х годов составляли главную ценность в кяхтинском торге текстильными товарами. В словарях кяхтинского пиджина для маслового сукна приводятся синонимы 'второе голландское' (А:13b-01, В:03a-04) и 'шпанское' (А:13b-01), что, видимо, отражает сходство этих видов сукон.

Сукна бывали всегда одинаковой меры: мезерицкие мерой в 25 аршин в куске, весом в 35 или 36 фунтов, масловые — 40 аршин, весом в 50 фунтов (Краткий очерк 1896, с. 52–53).

Количество русских сукон было весьма незначительно, отечественное сукно именовалось в Маймайчене «солдатское»³⁶ 三達子 sã-ta²-tsɿ (сэдацзы) (С:09a-05), поскольку в XVIII в. российские шерстяные мануфактуры были заняты преимущественно выделкой сукон для армии и флота и русские сукна шли на обмундирование войск. При этом само солдатское сукно к вывозу в Китай было запрещено тарифом 1800 г. Со временем доля русских сукон в кяхтинском торге возросла, что было напрямую связано с развитием суконной промышленности: за период с 1812 по 1825 г. число суконных мануфактур в России увеличилось со 136 до 324 (Бурнашев 1833, с. 40–41). Тогда же значительно повысилось и качество этих тканей, которые стали пользоваться особым спросом в северной части Китая, где они по своей плотности больше соответствовали климату, чем тонкие английские или французские сукна. Примечательно, что в середине XIX в. в русской прессе и в межведомственной переписке различных учреждений России Китай не раз фигурировал как «самый обширный рынок для сбыта мануфактурных произведений» (Хохлов 1993, с. 207).

Не только качество сукна, но и его фирменная упаковка имела значение для китайских купцов: «Кроме определенной меры и достоинства, сукно должно было иметь известные украшения и красивую укупорку, во вкусе китайцев, именно: вызолоченную или высеребренную наклейку на казовых концах, красивую сорочку и хорошенькую, в китайском вкусе, картинку» (Краткий очерк 1896, с. 53). В словаре В присутствует целый ряд наименований фирменных сукон, которые подтверждают эту подмеченную русскими особенность визуального восприятия китайцами данных товаров:

сочетание 哈洛金冠, которое буквально можно перевести как 'голландское сукно с золотым венцом' или 'голландская корона', в словаре имеет китайскую транскрипцию 各勞納 kə²-lau-na² (гэлаона) 'корона' (В:03a-05);

³⁶ Китайский словарь // АВ ИВР РАН. Ф. 29 (О.М. Ковалевский). Оп. 1, ед. хр. 2, л. 3.

- 金邊哈洛 ‘голландское сукно с золотой кромкой’, в словаре: 咄蜜史坎 *pie-miə²-sɿ-k’ǣ* (немисыкэ) ‘немецкое’ (В:03а-05);
- 大金鹿 ‘большой золотой олень’, в словаре: 伏煉池 *fə²-lie-ts’ɿ* (фэлецы) ‘френч’ (‘французское’) (В:03а-06);
- 左鹿兒 ‘левосторонний олень’, в словаре: 陰吉利 *iŋ-teiə²-li* (инцзили) ‘английское’ (В:03а-06);
- 人拉馬 ‘человек на коне’, в словаре: 非什力蓋 *fei-sə²-liə²-kai* (фэйсэлигай) ‘всадник’ (В:03а-06)³⁷.

Промен льняных изделий начался в Кяхте в 1770 г. и в конце XVIII в. доходил ежегодно от 3 тыс. до 15 тыс. аршин. Из льняных тканей в Китай поставлялись чешуйка, тик, дрелих, холст (Корсак 1857, с. 85). В первой трети XIX в. увеличился также сбыт русских хлопчатобумажных тканей, в первую очередь ситца, появился вельверет (плис) фабрикантов Хлебникова, рижского Пихлау, московских — Крестовникова и Кибера (Краткий очерк 1896, с. 37–38).

Привоз китайских тканей стал ослабевать и уступил место чаю в первой половине XIX в. Тогда же прекратился привоз шелка-сырца, зато увеличился привоз сахара-леденца, что объяснялось увеличением потребления в Сибири чая (Краткий очерк 1896, с. 29).

В конце XVIII в. в России народной потребностью становится чай, причем население начинает предъявлять требования к качеству этого напитка, который поставлялся в самых разных сортах. П.С. Паллас в своих путевых заметках так описал маймайченских торговцев чаем: «...каждый купец сим только и щеголяет, что приезшему гостю ставит пить чай ото всех сортов один после другого, сколько у него ни случится» (Паллас 1788, с. 152). В конце XVIII в. из разных сортов в Кяхту поставлялось: дорогого байхового (*байхао, pai-xiao* 白毫 ‘с белыми ворсинками, с белым пушком’), или торгового³⁸ чая до 8 тыс. пудов; высшего сорта зеленого чая до 4 тыс.; простого зеленого от 400 до 12,5 тыс. пудов ежегодно. При этом в китайском импорте преобладал популярный среди населения Сибири, особенно у монголов, тунгусов и якутов, дешевый кирпичный чай — до 17 тыс. пудов (Корсак 1857, с. 88). Чай продавался в цыбиках или бакчах весом по *гину* (*цзинь* 斤 = 596,8 г) и менее. Простой покупался по 30 и 40 коп. за бакчу, а пуд хорошего стоил 20 и 30 руб. Из зеленых чаев, так называемых *чин-чай* (*цинча* 靑茶), самым лучшим считался *жулан*, который доставлялся в цыбиках весом в 2,5 пуда и стоил столько же, сколько 25 тюней китайки. В XVIII в. кяхтинская цена этого чая была 70 руб., потом поднялась до 100 руб. и выше. Низший сорт жулана называли *монихо*, в него примешивали цветки жасмина (*молихуа* 茉莉花) и продавали по одной цене с жуланом. Ланховый (*ланьхуа* 藍花 ‘орхидея’) — ординарный зеленый чай, продавался бакчами по 30 и 40 коп. за бакчу. Луган-чай (*лунган*, от кит. *улунча* 烏龍茶 ‘чай улун’ и *гань* 干 ‘сухой’) — самый простой зеленый, *гин* которого покупался по 10 коп., расходился более у монголов (Корсак 1857, с. 92).

К середине XIX в. стоимость китайского чая в общем составе кяхтинского торгового оборота доходила до 95% (Краткий очерк 1896, с. 58). В Маймайчен чай доставлялся из южной провинции Китая Фуцзянь, а также из двух центральных провинций — Хунань

³⁷ Видимо, здесь использована диалектная форма; можно также предположить, что переписчик поменял порядок слов в сочетании 馬拉人 ‘человек верхом на коне’.

³⁸ Чай с добавлением типсов, едва распутившихся почек чайного растения, придающих напитку особый аромат и вкус, — высший сорт чая, ввозимого через Кяхту; со временем байховыми стали называть все сорта рассыпного, не прессованного, не кирпичного чая.

и Хубэй. Каждый год на юг отправлялись купцы из Шаньси и вкладывали деньги в строительство помещений для обработки чая и изготовления с помощью деревянных и железных ручных прессов чайных кирпичей. Водным путем — по р. Синьцзян, оз. Поянху, р. Цзюцзян — чай доставлялся в крупный центр чайного производства г. Ханькоу³⁹ (Лю Цзай-ци 2011, с. 77). Из Фуцзяни приходил цветочный чай, известный под названием сансинского (*саньсин* 三姓 ‘три фамилии’), это было связано с тем, что поставлялся он тремя китайскими торговыми домами, расположенными в этой провинции. Из Центрального Китая поставлялся черный (*хунча* 紅茶 ‘красный чай’), который именовали фамильным: на цыбиках, в которых его привозили в Кяхту, стояли фамилии китайских купцов, торгующих в Маймайчене. Из Хунани и Хубэя доставлялись также в незначительном количестве зеленый и желтый чай (Крит 1862, с. 3). Из Хубэя шел также лучший кирпичный чай, так называемый пекинский, который фабриковался из высевков байхового чая и из листьев последнего сбора чайных кустов черного чая.

Идущий на экспорт в Россию чай сначала доставлялся в Калган, где вновь сколачивались разбитые ящики, смешивали различные сорта чаев, делали надписи на цыбиках. К черному чаю перед вывозом в Маймайчен для улучшения цвета здесь добавляли незначительное количество фуцзяньского цветочного чая. Этот слой из седых чайных листовых почек укладывался сверху, поэтому его именовали «верховиком» (Крит 1862, с. 3–4). В соответствии с описанием Н.К. Крита, чай китайской укупорки насыпался в деревянный ящик, стенки которого имели толщину в 1/8 вершка. Дорогой цветочный чай, а также высшие сорта торгового чая (например, хунма, кит. *хунму* 紅姆) сначала насыпали в ящики из листового свинца, которые потом помещались в деревянный ящик. Этот ящик снаружи оклеивался толстой серой лакированной бумагой и сверху оплетался в два ряда широким камышом. Ящики с чаем высших сортов часто оплетались камышом не в два, а в три слоя. Под камышом в несколько слоев помещались бамбуковые листья, а также до сотни листов желтой китайской грубой бумаги, что должно было уберечь чай от сырости. Одно чайное место составляло 90 фунтов чая, а также 25–50 фунтов тары (Крит 1862, с. 8).

Из Калгана в Маймайчен чай привозили по мере истощения маймайченских запасов, что предотвращало излишнее накопление этого товара и снижение цены на него. В словарях кяхтинского пиджина имеется много названий чаев, указывающих на разный способ их упаковки: ‘бакча-чай’, ‘ящик-чай’, ‘банка-чай’, ‘книга-чай’, ‘кадушка-чай’, ‘длинный ящик-чай’, ‘чай из большого ящика’ (гунши-чай).

Из Маймайчена чай доставлялся на телегах в кяхтинский гостиный двор, где из каждого места особыми приспособлениями, «совками», вынимали 0,5 фунта (иногда больше) пробного чая, чтобы удостовериться в его доброкачественности. Эта процедура именовалась «хождением на совок», совок представлял собою железный лом в 1,5 аршина длиной и в 2 пальца толщиной, на конце которого было сделано углубление (Стахеев 1870, с. 24–25). Если чай оказывался подмоченным или ненадлежащего качества, его отправляли обратно для замены. Чай, добытый совком из цыбика, назывался «совочный» или «мешочный», поскольку его высыпали в мешки. Провоз чая из гостиного двора на таможенную именовался «вывозкой» (Стахеев 1994, с. 100).

После освидетельствования на кяхтинской таможене и оплаты пошлин чай сдавался купцом доставщику, который, опять же совком, извлекал пробы чая из четырех углов каждого цыбика. После этого определялся вес каждого места, причем

³⁹ Ханькоу ныне является составной частью административного центра пров. Хубэй — г. Ухань.

доставщику уступалась так называемая «пóкать» — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта чая (Крит 1862, с. 12).

Затем чай доставляли в ширейную, где цыбики (чай в камыше) обшивали *ширей* — сырой бычьей кожей (тюкной кожей, сырой кожей), шерстью внутрь. В первой половине XIX в. в Кяхте была сделана попытка заменить кожу клеенкой, но от этого пришлось довольно скоро отказаться, так как клеенка не облегалась чайное место так же, как сырая кожа, которая высыхала на цыбике. Кроме того, клеенка истиралась и не уберегала чайное место от ломки, после «хождения» на совок она не стягивалась опять, как кожа, и из раскрытых углов утрачивалось много чая (Крит 1862, с. 27–28).

Обшитый в кожи чай сопровождался «нарезкой»: сбоку на тюках проставлялись литеры «т. н. ф.», что означало «торговый, неквадратный, фамильный», «т. к. ц.» — «торговый, неквадратный, цветочный» или «т. н. ф. х.» — «торговый, неквадратный, фамильный, хунмы», а также проставлялись инициалы покупателя товара (Стахеев 1994, с. 101). После этого чай складывался в ряды, вновь взвешивался и перекаладывался на телеги.

Главнейшим чайным рынком России была Москва, затем Казань (продавалось около четверти всего чая) и города Сибири. По дороге в Москву чай перекаладывали: летом пять, зимой четыре раза. Летом — в Иркутске, Тюмени, Перми и Нижнем Новгороде, а зимой — в Иркутске, Томске, Тюмени и Казани. Половина чая на Новгородской ярмарке скупалась московскими купцами. До 1830-х годов перевозка чая к месту назначения, как и всех русских товаров, идущих в Кяхту, осуществлялась самими хозяевами. Они поручали доставку обозным приказчикам, которые доставляли товары на «передаточных», т.е. на подводах, нанимаемых от города до города. Каждому обозному приказчику доверялось до 1000 пудов товаров, при которых они были обязаны находиться неотлучно. Над всеми приказчиками определялся старшина, именуемый «обозным комиссаром». Он обычно нанимал ямщиков и определял с ними условие так называемой пряжи. Пряжей назывался барыш, уступаемый комиссару с провозной платы. Впервые такая пряжа была установлена в начале XIX в. известными кяхтинскими торговцами Сорокиным и Невежиным в пользу их обозного приказчика Уланова — по 10 фунтов чая с воза, поэтому она долго называлась «улановской пряжей» (Крит 1862, с. 16–17).

Небольшую статью торгова составлял табак. Е.Ф. Тимковский упоминает, что трубки монголы большей частью покупали у китайцев, а огнива монгольские купцы изготовляли сами с большим искусством, украшая их серебром, кораллами и пр. (Тимковский 1824, ч. 1, с. 312).

С начала кяхтинского торгова значительную часть китайского импорта составлял лекарственный ревень (*дахуан* 大黃 *Rheum officinale*), высушенные корни которого использовались как лекарственное (жаропонижающее и слабительное) средство. Основным районом выращивания ревеня на экспорт была пров. Ганьсу. Доставленный в Маймайчен ревень привозили в учрежденную коммерц-коллегией Кяхтинскую ревенную комиссию (Кяхтинский ревенной дом), где производился его прием и оплата мягкой рухлядью и юфтевыми кожами. Ю.Г. Клапрот в описании русской торговой слободы упоминает, что ее предместье включает в себе канцелярию и «складку достойной примечания торговли ревенем» (Клапрот 1816, с. 102). При комиссии служил специальный аптекарь, или браковщик, под руководством которого рабочие разрезали ревень на куски и проверяли качество. Низкосортный товар и отбросы тут же сжигались. Весь ревень, покупаемый в Кяхте, отправлялся ежегодно в Москву — в Медицинскую контору, и лишь небольшая его часть оставалась в Иркутской полевой аптеке, откуда он распределялся по всей Сибири. Значительное количество ревеня шло из России на экспорт в Европу.

Из других китайских предметов получали в Россию через Кяхту табак, бадьян, камышовые решетки, занавески, медные трубки и пр. (Краткий очерк 1896, с. 23). Постоянно в небольших количествах из Китая импортировался жемчуг. Причем это был как дорогой цельный жемчуг, завернутый в бумагу (на пиджине букв. «бумажка-жемчуг»), так и искусственный стеклянный жемчуг, а также прочий сопутствующий товар. В России это находило хороший спрос.

Через кяхтинский торг проходили иногда и китайские картины и эстампы, китайские и монгольские книги, драгоценные камни и многие мелочи. Согласно свидетельству XIX в., «у них есть еще соблазнительные картины, запрещенные законом; они пишутся по заказу или продаются в лавках тайно, и большей частью подержанные. Цены картинам различны: средственные от 5 до 10 рублей, а плохие от 1 рубля до 50 копеек. Но есть и высокой цены — это картины, писанные по заказу» (Китайская живопись 1867, с. 596). В словарях кяхтинского пиджина встречаются названия музыкальных инструментов, ювелирных украшений, механических приспособлений. Все это выменивалось случайно, по мере надобности или по заказам лиц, желавших иметь такие предметы (Краткий очерк 1896, с. 59). Так, среди имущества организатора Камчатских экспедиций В. Беринга упоминается купленная в Кяхте «одна кукла медная китайская» (Вторая камчатская экспедиция 2013, с. 681).

По тарифу 1800 г. к вывозу в Китай были запрещены: золото и серебро в слитках и в иностранной монете, всякая монета русского чекана, русские банковские ассигнации, затем был запрещен отпуск льняной пряжи, шерстяных войлоков, невыделанных кож, бобровых и выдровых мехов, огнестрельного оружия и пороха. К привозу же были запрещены: русские монеты и ассигнации, железные инструменты, мишура, соль, вино, водка, скот и крашенные кожи (Краткий очерк 1896, с. 28). Впрочем, указом от 8 августа 1854 г. изделия из золота и серебра были разрешены к вывозу (Краткий очерк 1896, с. 54). В XIX в. увеличилась доля экспорта из России в Китай промышленных товаров: красок, машин, огнестрельного оружия, зеркал, предметов буддийского культа, посуды.

Некоторые особенности кяхтинского пиджина (филологические заметки)

Из истории китайских пиджинов. Китайские торговые пиджины формировались на основе не только русского, но и других языков. В Макао, где с конца XVI в. стали поселяться португальцы, возник креольский язык, использовавшийся для их общения с местным китайским населением. Последующее преобладание здесь англичан привело к тому, что креольский язык, развившийся на основе португальского, трансформировался в процессе релексификации в английский китайский пиджин. Этот пиджин быстро распространился во многих местностях Китая вслед за расселением английских и американских миссионеров и торговцев. Особенно он процветал в Шанхае в торговых кварталах вдоль канала Янцзинбан, в связи с чем местный английский китайский пиджин получил название «янцзинбанский английский язык» (*янцзинбан инъюй* 洋涇浜英語).

Португальский и английский китайские пиджины были зафиксированы письменно в словарях и разговорниках, издававшихся в виде небольших книжечек для продажи китайцам. Эти издания отпечатывались ксилографическим способом и имели довольно широкое хождение. Произношение португальских и английских слов передавалось в них с помощью китайских иероглифов в соответствии с кан-

тонским произношением. Отдельные копии таких материалов можно встретить сейчас в фондах европейских библиотек.

Сохранились и свидетельства европейцев — очевидцев практического применения этих учебных пособий:

«...мой тесть, покойный Родни Фишер (Rodney Fisher) из Филадельфии, много лет проживший в Китае, часто рассказывал такую историю. Как-то он стал звать своего слугу, но тот не откликнулся. Мистер Фишер спросил о нем у юноши, называемого *larn-pidgin* или *ученик*, из числа тех, кого принимали из милости в услужение, чтобы те научились бы чему могли. Этот новичок, будучи не в состоянии ответить, сильно испугался и повел мистера Фишера в нижнюю комнату, где сидели несколько таких же, как он, мелких слуг с разложенными перед ними словариками. К одному из них он обратился со своим вопросом, после чего этот великий грамотей, с невероятной быстротой и проворством перевернув несколько страниц, зачитал следующую фразу: „He-larn-pidgin-talk-ee-that complador-belongey-out-side-kohom-soon“⁴⁰. Настоящее или притворное выражение ужаса на лице этого грамотея вкупе со странной манерой его затрудненной речи вызвали у мистера Фишера хохот, который тут же был подхвачен всеми членами этого сообщества любителей английского языка» (Leland 1876, p. 4, n. 1).

Благодаря сохранившимся письменным источникам английский китайский пиджин, а также португальский креольский язык Макао к настоящему времени хорошо изучены. В то же время кяхтинский пиджин не так известен именно из-за недостатка печатных свидетельств. Поэтому три рукописных словаря, приводимые в настоящем издании, особенно ценны для понимания фонетических, грамматических и лексических особенностей этого контактного языка. Очевидно, словари кяхтинского наречия никогда не издавались типографским способом из-за относительно малого (по китайским понятиям) числа людей, которым они были адресованы, и существовали только в виде рукописных копий.

Наиболее влиятельным и многочисленным в среде шаньсийского купечества Маймайчена был клан чаоторговцев по фамилии Чан 常 из уезда Юйцы 榆次⁴¹ (Лю Цзинь-пин 2001; Цзиньшан шияо цюаньлань 2006, с. 33–39). Используемый ими говор Юйцы (или области Бинчжоу 并州 по древнему историческому названию этой территории) относится к шаньсийскому (цзиньскому, *цзиньюй* 晉語) диалекту китайского языка, и, очевидно, именно этот говор преобладал среди китайцев Маймайчена в период расцвета российско-китайской приграничной торговли.

Вопрос о независимости шаньсийского диалекта от северного китайского остается дискуссионным (см.: Хоу Цзин-и 1999, с. 1–13; Цяо Цюань-шэн 2008, с. 48–55). Прежде в китайском языке выделяли семь основных диалектов: (1) северный китайский (мандаринский); (2) диалект у 吳 (включая шанхайский); (3) диалект *гань* 贛 (цзяньсийский); (4) диалект *сян* 湘 (хунаньский); (5) диалект *юэ* 粵 (кантонский); (6) диалект *минь* 閩 (фуцзяньский); (7) диалект *кэцзя* 客家 (хакка). В 2012 г. во втором издании «Лингвистического атласа Китая» (*Language Atlas of China 2012*)⁴², опубликованном Институтом языкознания Академии общественных наук КНР, к числу самостоятельных диалектов китайского языка был впервые причислен

⁴⁰ «Он, обучаемый ремеслу, говорит, что слуга уже долго отсутствует и скоро будет обратно».

⁴¹ Ныне на территории г. Цзиньчжун 晉中, к северо-западу г. Тайюаня 太原, столицы пров. Шаньси.

⁴² Первое издание «Лингвистического атласа Китая» (*Language Atlas of China 中國語言地圖集*) было опубликовано в 1987 г. Академией общественных наук КНР совместно с Австралийской академией гуманитарных наук. Атлас отражает языковую ситуацию в Китае, официально признаваемую властями КНР.

шаньсийский. Авторы настоящей публикации полагают это справедливым, учитывая бесспорную специфику данного диалекта, который отличается от стандартного китайского языка и по фонетике, и по грамматике, и по лексике.

Фонетические особенности тайюаньского диалекта. Все возможные фонетические формы приведены нами в таблице «Силлабарий тайюаньского диалекта» в Приложении.

В тайюаньском диалекте имеется 21 начальный согласный, включая $\emptyset$ (zero). Звуки подразделяются на взрывные (звонкие) и аффрикативные: $p, p' / t, t' / k, k' / ts, ts' / te, te'$, а именно придыхательные и непридыхательные. В то же время в тайюаньском диалекте, как и в стандартном китайском, отсутствует ряд звонких согласных, почему и возникают трудности при передаче посредством китайских иероглифов иностранных слов со звонкими согласными.

Что до гласных тайюаньского диалекта, то первое, что бросается в глаза, — это наличие двух входящих тонов, верхнего и нижнего, которые оба происходят от входящего тона (*жушэн* 入聲) среднекитайского языка. Такие слоги тайюаньского диалекта сопровождалась конечными $-p, -t, -k$ и сейчас сохранились в качестве гортанной смычки $[-^2]$. Иероглифы, обозначающие эти слоги с глоттализированными согласными, использовались обычно для транскрибирования коротких слогов иностранных языков. Тонов в тайюаньском диалекте пять, помимо названных верхнего и нижнего входящих тонов имеются ровный (*пиншэн* 平聲), восходящий (*шаншэн* 上聲), нисходящий (*цойшэн* 去聲). Остается не вполне ясным, какую роль играли ровный, восходящий и нисходящий тоны для передачи слогов в словарях кяхтинского пиджина.

Другая особенность тайюаньского диалекта состоит в том, что конечный согласный звук $-n$ выпадает в случае, если ему предшествует гласный переднего ряда верхнего подъема, независимо от того, огубленный он или неогубленный. И необходимо аккуратно подходить к фонетическому воспроизведению произношения русских слов китайцами–носителями тайюаньского диалекта. Звуковые сочетания с конечными $-n$ и $-ŋ$ также выпадают, если им предшествуют гласные $[æ]$ или $[e]$, при этом сами эти гласные назализованы и акустическая разница получается небольшая. С другой стороны, назализованные конечные согласные $-n$ и $-ŋ$ сохраняются, но при этом $-n$ переходит в $-ŋ$, если перед ним стоят гласные $[ə], [i], [u], [y]$. В тайюаньском диалекте нет огубленного гласного $[o]$, как в стандартном китайском языке, его заменяет неогубленный гласный заднего ряда средне-верхнего подъема $[ɤ]$, который именно в таком произношении используется при транскрибировании иноязычных слов — в нашем случае русской лексики кяхтинского пиджина.

Диалектные формы иероглифов. В словарях кяхтинского пиджина встречаются вышедшие из употребления простонародные (вульгарные) формы иероглифов, которые не представлены в словарях современного китайского языка и поэтому поддаются идентификации с трудом. При этом их точное прочтение имеет принципиальное значение для фонетической реконструкции кяхтинского пограничного языка.

Из простонародных иероглифических форм наиболее часто для фонетической передачи русских слов в словарях кяхтинского пиджина используется иероглиф 居. В словаре «Яшмовая книга» (*Юй пянь* 玉篇) представлено его чтение: 都谷切 (т.е. рассечение du и $gu = *tuk$) и значение: «простонародная форма иероглифа 豚 tun^2 ‘свинья’». В словаре «Пространные рифмы» (*Гуан юнь* 廣韻) наряду с этим приве-

дено и другое значение иероглифа 后: ‘отверстие под хвостом’ (尾下竅也), что тождественно значению, принятому в цзиньском диалекте: ‘ягодицы и заднепроходное отверстие’⁴³. В тайюанском диалекте 后 читается как *tuə*²⁴⁴. Словарь В:16а-06 транскрибирует слово 祖父 как 借后什坎 *tcie-tuə²-sə²-k‘ə̃* (*цзедусэжэ*) ‘дедушка’, при этом А:24б-02 то же самое слово передает иероглифами 借獨什坎 с тем же чтением *tcie-tuə²-sə²-k‘ə̃* (*цзедусэжэ*). Иероглиф 獨 в тайюанском диалекте читается *tuə*² (*ду*), что подтверждает наше предположение для чтения иероглифа 后. О возможности замены 后 на 獨 свидетельствует и ряд других примеров:

麻獨什坎 *ma-tuə²-sə²-k‘ə̃* (*мадусэжэ*) ‘матушка’ (А:24б-02);
 麻后什坎 *ma-tuə²-sə²-k‘ə̃* (*мадусэжэ*) ‘матушка’ (В:16а-06);
 叫獨什坎 *tciau-tuə²-sə²-k‘ə̃* (*цзяодусэжэ*) ‘тётушка’ (А:24б-04);
 叫后什坎 *tciau-tuə²-sə²-k‘ə̃* (*цзяодусэжэ*) ‘тётушка’ (В:16а-07).

Другой часто встречающийся простонародный иероглиф — 短. Возможно, он является диалектной формой 癟 *бе* [*bie*¹] ‘сморщенный, согнуться’, о чем можно судить по выражению 桿子短了 — 的利史念 *tiə²-li-sɿ-nie* (*дилисыне*) ‘тресни’, ‘трубка треснула’ (В:01а-05). В любом случае произношение его должно быть *бе* [*rie*], как он и используется в словарях кяхтинского пиджина.

В словаре В представлена также форма 尹, редкое простонародное написание иероглифа 兩 *лян* [*liang*³] (В:08б-05, В:10б-06). Эта форма встречается в цинском издании романа «Неофициальная история земли Линнань» (*Линнань и ши* 嶺南逸史) (Лю Фу, Ли Цзя-жуй 1930, с. 119).

兪 — диалектная форма иероглифа 掌 *чжан* *цан* [*zhang*³] ‘подкова’ встречается дважды: 釘兪(掌)力 ‘подковать [лошадь]’, ‘копыто’ (В:11б-01) и 馬兪(掌) ‘подкова’ (В:11б-01). В «Дополнении к иероглифическому словарю» (*Цзыхуй бу* 字彙補) схожая форма 帝 сопровождается пояснением: «древнее написание иероглифа 帝 *ди* [*di*⁴] ‘император’». В словаре «Зерцало в драконовой нише» (*Лун кань шюуцзин* 龍龕手鏡) чтение другого похожего иероглифа 兪 воспроизводится как 帝 *ди* [*di*⁴].

В словаре В в сочетаниях 你吹(認) ‘ты отгадай’ (09б-01), а также 吹(認)見了 ‘угадай’ (09б-01) иероглиф 吹 является, по всей вероятности, вариантом написания 認 [*ren*⁴], так как он очень схож с современным упрощенным вариантом этого иероглифа — 认.

Часто встречающийся в словаре А иероглиф 托 есть не что иное, как простонародная форма иероглифа 把 *ба* [*ba*³], при этом в словаре В он используется в своем обычном написании; см., например, 把什年 *pa-sə²-nie* (*басэни*) 塔 ‘башня’ (В:13б-05).

Фонетические особенности передачи русских слов. В большинстве случаев в словарях кяхтинского пиджина для фонетической передачи слогов русского языка используются одни и те же иероглифы⁴⁵. Однако их чтение иногда бывает трудно выявить, поскольку один и тот же иероглиф может обозначать две или три разные фонемы. Наиболее показательны в этом отношении иероглифы 吡 и 艮.

⁴³ Хоу Цзин-и, Вэнь Дуань-чжэн (1993, с. 9) ссылаются на «Учебник диалектной иероглифики» (*Фанъян цза цзы* 方言雜字), опубликованный в пров. Шаньси в ранние годы Китайской Республики, в котором значение данного иероглифа разъясняется как ‘отверстие, из которого выходят экскременты’ (*чу фэнь мэн е* 出糞門也).

⁴⁴ В *Тайюань фанъянь цыдянь* (1994, с. 293) вместо 后 приведена другая форма 屎, но в шаньсийском диалекте иероглиф использовался именно в первом варианте, что подтверждает Хоу Цзин-и (1995).

⁴⁵ При этом составители или переписчики словарей имели собственные предпочтения. Например, для передачи звука у [*u*] в словарях А и С преобладает иероглиф 悞, в В используется 勿.

Иероглиф 哞 в основном используется для транскрипции русских слов с начальным вибрантом *p* [ɣ], которого, как известно, нет в китайском языке и который для носителей этого языка нуждается в префиксе в виде гласной. Иероглиф 哞 служит таким префиксом при передаче русских слогов с начальным *p* [ɣ]⁴⁶, за которым следуют гласные *e*, *i* или *ы*, и имеет чтение *e* [ie]:

- 哞力各地兒 *ie-liə²-kə²-ti-əɾ* (*елигэдиэр*) ‘ректор’ 閣兒 (A:19a-03, B:13b-04, C:06a-01);
 哞力昔, 哞力細 *ie-liə²-ei, ie-liə²-eiə²* (*елиси*) ‘рысь’ 猓力孫 (A:11a-03, B:20a-04, C:23a-01);
 哞力的坎 *ie-liə²-tiə²-k‘ǎ* (*елидикэ*) ‘редко’ 稀少 (A:51a-01, B:08b-09);
 哞煉卜 *ie-lie-pə²* (*елебэ*) ‘репа’ 蔓菁 (A:41a-03).

Одновременно иероглиф 哞 был использован в словарях для транскрипции русского сочетания *не*, что на первый взгляд может показаться странным. Однако следует учесть, что в тайюаньском диалекте существует синлабическая форма чтения данного иероглифа, а именно *не* [nie]. Кроме того, чтение *не* [nie] связано и с другим иероглифом 𠵹, графически похожим на 哞, состоящим из ключа 冫 и фонетика 乚 *не* [nie⁴]. Для 𠵹 «Словарь современного китайского языка» (*Сяньдай ханьюй цыдянь* 現代漢語詞典) дает значения: (1) ‘наклонный, покатый’; (2) ‘название этнической группы’. Кроме того, иероглиф 𠵹 в редких случаях используется в шаньдунском диалекте для обозначения неудаленного предмета в трехчленной системе указательных местоимений (Ван Хуа-юнь 2007, с. 50–52). Произношение фиксируется соответственно как *ме* [mie¹] для первого и *не* [nie⁴] для второго значения. Словарь *Гуан юнь* 廣韻 дает рассечение 彌也切 только для второго значения, которое теоретически должно соответствовать *ме* [mie⁴], но на самом деле видоизменяется до *не* [nie⁴], возможно, в результате палатизации нечетко обозначенной инициали. Таким образом, иероглиф 哞 в наших словарях должен иметь чтение *не* [nie], как иероглиф 𠵹:

- 哞蜜鰩史坎里細子 *nie-miə²-p‘iau-sɿ-k‘ǎ li-ci-tsɿ* (*немитяосыкэ лисицзы*) ‘немецкая лисица (иностранная лиса)’ 小白狐皮 (B:19b-08);
 哞蜜史坎 *nie-miə²-sɿ-k‘ǎ* (*немисыкэ*) ‘немецкое (сукно с золотой кромкой)’ 金邊哈洛 (B:03a-05);
 哞力(刀)⁴⁷票史坎 *nie-tau-p‘iau-sɿ-k‘ǎ* (*недаопяосыкэ*) ‘недопёсок’ 小毛白狐皮 (A:09b-03, C:21b-05);
 哞蜜史坎波不力 *nie-miə²-sɿ-k‘ǎ pɿ-pə²-liə²* (*немисыкэ бобэли*) 鍋蓋水皮 ‘немецкий (иностранный) бобр’ (A:09b-04);
 哞力史坎未的兒 *nie-liə²-sɿ-k‘ǎ vei-tiə²-əɾ* (*нелисыкэ вэйдиэр*) ‘нерчинская выдра’ 正板水皮 (A:09b-05).

Иероглиф 𠵹 является, очевидно, вариантом иероглифа 銀 *инь* [yin²] (др.-кит. *ŋiēn, *Гуан юнь*: 語巾切), и в этой своей простонародной форме он был зафиксирован довольно рано, в частности, в юаньском издании «Собрание древней и со-

⁴⁶ В некоторых случаях иероглиф 哞 используется и для передачи слогов с начальным *л* [l], например, 哞力世內 *ie-lie²-sɿ-nuei* (*елисынуй*) ‘лишний’ (A:63a-03), 哞煉伏 *ie-lie-fə²* (*елефэ*) ‘олифа’ (B:03b-09).

⁴⁷ Здесь вместо иероглифа 力 *ли* явно должен быть использован иероглиф 刀 *дао*.

временной драмы» (Гу цзинь цзацзюй 古今雜劇) (Лю Фу, Ли Цзя-жуй 1930, с. 97). В одном из наших словарей в слове 銀匠 ‘серебряник, ювелир’ иероглиф 銀 записан как 艮 (С:10а-04).

В тайюаньском диалекте литературное чтение (*вэньду* 文讀) для 艮 должно быть *ин* [iŋ], хотя он также может иметь и другое чтение — *нин* [niŋ]. Известно, что в древности некоторые иероглифы, имевшие инициаль *ŋ, в просторечном чтении (*байду* 白讀) читались без начального согласного, в особенности это было распространено на юге Китая (Тайюань фанъянь цыдянь 1994, с. 4). Мы можем предположить, что такая особенность была свойственна и шаньсийскому (цзиньскому) диалекту. Более того, установлено, что в древности в говоре Бинчжоу и других, относившихся к этому диалекту китайского языка, звук *ŋ имел чтение ŋg (Цяо Цюань-шэн 2008, с. 265). Поэтому 艮 следует читать как *нин* [niŋ] ~ *ин* [iŋ] или даже как [ŋ^giŋ] в некоторых случаях, и этот иероглиф имеет в наших словарях самые разные чтения для передачи разных слогов.

Чаще всего он встречается в просторечном чтении *нин* [niŋ]:

- 西艮 *ei-niŋ* (*синин*) ‘снег’ 雪 (А:17а-01);
 西艮各 *ei-niŋ-kə²* (*синингэ*) ‘снег’ 雪 (В:13а-02, В:13а-04);
 地艮 *ti-niŋ* (*динин*) ‘дыня’ 甜瓜 (В:04а-06);
 不尺定艮 *pə²-ts‘ə²-tiŋ-niŋ* (*бэцэдиннин*) ‘почтительный’ 請安力 (В:07а-01);
 洞艮坎 *tuŋ-niŋ-k‘ə̃* (*дуннинкэ*) ‘тоненький (тонкий)’ 細的 (А:42б-03; В:10а-01);
 居艮(巨艮) *teu-niŋ* (*цзюйнин*) ‘тюнь’ 壹甬 (А:31б-04; В:01б-08; С:19б-02);
 定艮十坎 *tiŋ-niŋ-sə²-k‘ə̃* (*диннинсэкэ*) ‘денежка’ 半個 (А:02б-05);
 定艮 *tiŋ-niŋ* (*диннин*) ‘тень’ 人影 (А:75б-01);
 幾艮內 *tei-niŋ-nuei* (*цзининнуй*) ‘чиинный’ 青 (А:09б-02);
 義艮 *i-niŋ* (*инин*) ‘иней’ 霜 (А:17а-01);
 史當(高)兒艮坎 *ɣ-tɕ(-kau)-əŋ-niŋ-k‘ə̃* (*сыгаорнинкэ*) ‘скорняк’ 毛兒匠 (А:24а-05);
 艮昧 *niŋ-meɪ* (*нинмэй*), 艮罵 *niŋ-ma* (*нинма*) ‘немой’ 啞子 (А:23а-04; С:11а-04);
 艮卸史坎 *niŋ-ɕie-sɣ-k‘ə̃* (*нинсесыкэ*) ‘нисешка’ (?), ‘лавка купца-бухарца’ 原回子家的店 (С:08а-02);
 西艮染染池 *ei niŋ-zə̃-zə̃-ts‘ɣ* (*си нинзээцы*) ‘с нижайшим’ 領情 (А:64а-04).

Любопытным примером использования иероглифа 艮 является его применение для слова ‘день’:

- 笑文艮 *ɕiau-vəŋ-niŋ* (*сяовэннин*) ‘сегодня’ 今日 (А:18б-03, А:68а-03, А:70б-03, А:71б-04; В:13а-08; С:04а-01);
 的利俊文艮, 的利吊文艮 *tiə²-li-teuŋ-vəŋ niŋ, tiə²-li-tiau-vəŋ niŋ* (*дилицзюнвэн нин, дилидяовэн нин*) 前日 ‘третьего день’ (позавчера) (А:18б-04, В:13а-09, С:04а-02).

Носители китайского языка испытывают трудности при воспроизведении консонантных комплексов, таких как в сочетании *-дня*, которое заменяют на более простое для них *-ня*. При этом более привычным для них является использование одной и той же формы 艮 *niŋ* для ‘день’ без указаний на род или число. В нижеследующих примерах сочетания *-дний/-дни* они заменяют на *-ний/-ни*:

普利良吳里子, 昔煉良悞裡子 $\text{ei}^2\text{-li-niŋ u-li-tsɿ}$, $\text{ei}^2\text{-lie-niŋ u-li-tsɿ}$ (силенин улицзы, силенин-улицзы) ‘середин-улица (средняя улица)’ 中街 (A:19a-04; B:13b-05; C:06a-02);
 不昔利良史勞旺 $\text{pə}^2\text{-ei}^2\text{-li-niŋ sɿ-lau-vẽ}$ (бэсиленин сылаова) ‘последний слова (разговор исчерпан)’ 話說盡了 (A:76a-05).

Встречается случай чтения 良 как *ин* [iŋ], которое также является стандартным для местности Тайюань:

良邊而 iŋ-pie-əŋ (*инбер*) ‘имбирь’ 閱姜 (A:40a-05).

В словарях содержится ряд примеров нестандартного чтения 良 для передачи слогов, начинающихся с *г*, *к* или *ка*, т.е. в фонетической форме, отличной от его диалектного чтения *нин* [niŋ]. В этих случаях, очевидно, может быть задействовано чтение 良 с взрывной согласной инициальной [ŋ^g], что сближает диалектное чтение с изначальным литературным *гэнь* [gen⁴].

池良內 $\text{ts}^1\text{-kəŋ-nuei}$ (*цигэннуй*), 其良內 $\text{tɕ}^1\text{-kəŋ-nuei}$ (*цигэннуй*) ‘цигный’, ‘фарфоровый’, ‘искусственный’ 磁, 假 (A:31a-01, A:37a-05, A:42b-01, B:03b-06);
 勿浪良 $\text{və}^2\text{-lẽ-kəŋ}$ (*вэлагэн*) ‘воронка’ 憑針 (A:08a-02).

В кяхтинском пиджине произношение многих слов претерпевало значительную модификацию в соответствии с китайской фонетической нормой (на эту особенность давно обратили внимание все, кто когда-либо фиксировал или исследовал лексемы кяхтинского пиджина⁴⁸):

鬧各 nau-kə^2 (*наогэ*) ‘много’ (A:67b-03, B:05a-07) (*м*- не произносится)⁴⁹;
 錄抱各 $\text{luə}^2\text{-rau-kə}^2$ (*лубаогэ*) ‘глубок (глубокий)’ (A:52a-01, B:10a-08) (*г*- не произносится);
 史哥而哥夜史 sɿ-kɕ-əŋ-kɕ ie-sɿ (*сыгорго есы*) ‘сколько есть (много ли есть)’ (B:05a-07) (*-ть* не произносится);
 悞麻念后 u-ma nie-tuə^2 (*ума нету*) ‘ума нет (глупый)’ (B:07b-03) (*нету* вместо *нет*);
 念后路日內 $\text{nie-tuə}^2 \text{ləu-zə}^2\text{-nuei}$ (*нету лоуэннуй*) ‘нету ложный (нет правильного рассуждения)’ (B:07b-03) (*нету* вместо *нет*)⁵⁰.

Также для облегчения произношения окончания русских прилагательных *-ский*, *-ская*, *-ское*, *-ские* везде приведены к единой форме 史坎 $\text{-sɿ-k}^1\text{-ǣ}$ (*сыкэ*), что на слух русскоговорящих воспринималось как *-ска*:

⁴⁸ Об особенностях произношения маймайченских китайцев Г.М. Осокин, например, писал так: «В большинстве случаев перемещается ударение в словах, а также встречается много слов, в которых изменены окончания или вставлены новые буквы; наконец, много слов совершенно заменены и исковерканы до неузнаваемости. Изучение русского разговорного языка китайцы вообще считают трудным, тем более, что некоторые буквы и звуки они почти не могут правильно произнести, например, в букве “р” у них слышится два звука: “рл”, мягкое “л” почти не могут выговорить, “к” часто заменяют буквой “ч” и вообще очень много звуков заменяют произвольно и так, как для них легче» (Осокин 1906, с. 59).

⁴⁹ При этом встречается и форма 木鬧各 $\text{mə}^2\text{-nau-kə}^2$ (*мэнаогэ*) (A:42a-05, B:10a-06).

⁵⁰ Многие слова переданы в словарях очень близко к их русской произносительной форме: 磨羅個 mɕ-luɕ-kɕ (*молоко*) (B:04b-03); 把拉古兒 pa-la-ku-əŋ (*балагур*) (B:05b-04); 古西 ku-ɕi (*гуси*) (B:11b-04); 哦定 ŋɕ-tiŋ (*один*) (многократно); 六地 liəu-ti (*люди*) (многократно) и др.

哦不史坎鱧克 $\gamma\chi\text{-p}\acute{\text{a}}^2\text{-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}\text{p}'\text{iau-k}'\acute{\text{a}}^2$ (обэсыкэ пяокэ) 'обская белка' 二白灰鼠皮 (A:10b-03);
 必利史坎 $\text{pi}\acute{\text{a}}^2\text{-li-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (билисыкэ) 'близкий' 近 (A:44b-01, B:10a-03);
 南京史坎少克 $\text{n}\tilde{\text{a}}\text{-t}\epsilon\text{i}\eta\text{-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}\text{sau-k}'\acute{\text{a}}^2$ (нэцзинсыкэ саокэ) 'нанцзинский шёлк (шёлк, производимый на юге Китая)' 南衣線 (A:06b-01).

Окончание 史坎 $\text{-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (сыкэ) также используется в словах, обозначающих людей, государства и народности, что наверняка подразумевает форму прилагательного:

哈幾牙史坎, 哈之牙史坎 $\text{ха-t}\epsilon\text{i-ia-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$, $\text{хв-ts}\eta\text{-ia-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (хацзиясыкэ, хацзьясыкэ) 'хозяйка (хозяин, Цинское государство, Китай)' 大清國 (A:20b-02, B:14a-04, C:08a-05);
 高干史坎 $\text{kau-k}\tilde{\text{a}}\text{-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (Гаогэсыкэ) 'Калгашка, Калган (Чжанцзякоу)' 張家口 (A:20b-04, C:07b-02);
 滿洲兒史坎 $\text{m}\tilde{\text{a}}\text{-ts}\epsilon\text{u-}\acute{\text{a}}\text{-s}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (мэцзоурсыкэ) 'маньчжурский' 旗人, 縣人⁵¹ (A:22a-03, B:15a-02, C:09b-02).

Применительно к омофонам русского языка с разными значениями китайцы пытались подобрать неодинаковые иероглифические транскрипции:

細的 'тонкий' ('искусный, хорошо сработанный') и 薄的 'тонкий' ('неплотный') передаются в наших словарях соответственно как 洞艮坎 $\text{tu}\eta\text{-ni}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (дуннинкэ) (B:09b-09) и 洞坎 $\text{tu}\eta\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (дункэ) (B:10a-01);
 苦的 'горький' ('терпкий') и 辣的 'горький' ('острый') — как 個兒坎 $\text{k}\chi\text{-}\acute{\text{a}}\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (горкэ) и 個力坎 $\text{k}\chi\text{-li}\acute{\text{a}}^2\text{-k}'\tilde{\text{a}}$ (голикэ) (B:04a-04);
 粗的 'толстый (грубый)' и 厚的 'толстый (полный)' — 討素太 $\text{t}'\text{au-su-t}'\text{ai}$ (таосутай) (A:42b-03, B:09b-09) и 道史達 $\text{tau-s}\eta\text{-ta}'^2$ (даосыда) (B:10a-01).

В то же время иногда одна и та же транскрипция проводится для совершенно разных по значению слов:

迷力彥 $\text{mi-li}\acute{\text{a}}^2\text{-ie}$ (милие): 'миллион' 百萬 (A:02b-04), 'мерея' 花紋 (C:23a-04);
 面昔子 $\text{mie-}\acute{\text{e}}\text{-ts}\eta$ (месицзы): 'месяц' 月 (A:16b-04), 'вместе' 相跟着 (A:45a-03);
 鬧各 $\text{nau-k}\acute{\text{a}}^2$ (наогэ) 'много' 多少 (A:66a-05 и др.), 'нога (ступня)' 足 (B:17a-01; C:14b-01);
 謝洛 $\text{}\acute{\text{e}}\text{-lu}\acute{\text{a}}^2$ (силу) 'сила' 力氣 (A:26b-03), 'сырой' 生的 (A:43a-05).

Лексика. Среди лексем, включенных в словари кяхтинского пиджина, встречается много форм, свойственных исключительно шаньсийскому диалекту. Так, например, в гнездовых китайских словах часто используется иероглиф 圪 $\text{k}\acute{\text{a}}^2$ (гэ) — широко распространенный префикс шаньсийского диалекта, образующий существительное, глагол, прилагательное, счетное слово и оноματοпею без особого значения (Хоу Цзин-и, Вэнь Дуань-чжэн 1993, с. 98; Тайюань фанъянь цыдянь 1994, с. 277):

圪肘 (B:17a-09; C:15a-03) 'локоть';
 圪摺 (B:17b-01), 老圪摺 (A:27a-05) 'морщинистый';

⁵¹ 旗人 *цижэнь* — букв. 'знаменный человек', т.е. человек, приписанный к знаменным войскам Цинского государства; 縣人 *сяньжэнь* — начальник уезда, мелкий чиновник.

圪塔 (В: 18a-01) ‘чирей’;
 圪(坑)甲子 (В:09a-08) ‘яма’, 圪洞 (А:21a-01)⁵² ‘яма’;
 圪洞子車 (В:11a-08) ‘лежак’;
 繩子圪達 (А:37b-02, В:12a-04) ‘узелок [на верёвке]’;
 圪膝 (С:15a-03) ‘колени’;
 圪卜 (С:15b-01) ‘предсказывать’.

В словарях встречаются очень редкие биномы и триномы шаньсийского диалекта:

刮地 (В:16b-03) или 刮弟(地) (А:25a-05) в современном китайском языке означает ‘открытое место на ветру’, а в шаньсийском диалекте имеет значение ‘незаконнорожденный’ (Сюй Бао-хуа, Маято Итиро 1999, т. 3, с. 3417);
 牛眼骨 современного китайского языка можно перевести как ‘коровьеглазая кость’, в шаньсийском диалекте это сочетание имеет значение ‘голеностоп’ (Сюй Бао-хуа, Маято Итиро 1999, т. 1, с. 802). В словаре В этому слову даны два соответствия: 浪克 lǎ-k‘э² (лагэ) ‘рак’ (?) и 昧史各 měi-sǐ-kè² (мэйсыгэ) ‘мышка’ (В:17a-09);
 倒插 букв. означает ‘поставить вверх ногами’, в шаньсийском диалекте имеет значение ‘брючный карман’ и соответственно в кяхтинском словаре транскрибируется как kǎ-liǎ²-mǎ-k‘ǎ (гэлимакэ) ‘кармака (карман)’ (А:28b-03).

Диалектную форму представляет собой наречие 後頭 ‘прежде’⁵³ (С:04a-05).

Лексическую основу кяхтинского пиджина составляют единицы русского языка, и это был именно русский китайский пиджин или кяхтинский торговый пиджин русского языка. Большинство русских слов представлены в словарях в форме просторечий. Встречаются довольно любопытные случаи включения местных диалектных форм, многие из которых вошли в обиход не позднее XVIII в. (см.: Майоров 2011).

Интересен подбор китайских лексико-семантических вариантов для передачи значений слов русского языка:

各力甚泥牙 kǎ²-liǎ²-sǎng-ní-ya (гэлисэньня) ‘крещение’ — 神公報下水 ‘бог велит входить в воду’ (А:29b-02);
 入煉 zuǎ²-liè (зуле) ‘земля’; 善爾 sǎn-ěr (сэр) ‘глобус, шар’ — 太極圖 ‘карта вселенной’, ‘китайская космологическая диаграмма с делением на символы *инь* и *ян*’ (В:14a-09, С:07b-01);
 合力史道史內定 хǎ²-lǐǎ²-sǐ-tāu-sǐ-nuèi tǐng (хэлисыдаосынуэй дин); ‘христовый день’, ‘Пасха’; ‘день, когда христосуются’ — 換鷄蛋日子 ‘день, когда обмениваются куриными яйцами’ (В:12b-04);
 不讓兒 pǎ²-zǎi-ěr (бэзар) ‘пожар’ — 走了水 ‘бежать за водой’ (В:11a-04);
 爐罷什坎 lú-pǎ-shí-kǎn (лоубасэкэ) ‘рубашка’ — 蔴包 ‘холщовый мешок, холщовая оболочка’ (В:12a-05);
 納不利 nà²-pǎ²-lì (на бэли) ‘на полу’ — 坐子 ‘сиденье’ (А:33b-03);
 不命那 pǎ²-mìng-na (бэминна) ‘помина, помянуть покойного’ — 燒紙力 ‘сжигать жертвенные деньги’ (В:09b-06).

⁵² В:14a-07 заменяет 圪洞 на 地壩(=洞), что соответствует стандартному китайскому языку.

⁵³ Ср.: 咱們後頭再商量 ‘мы потом обсудим’ (диалект Синьчжоу 忻州) (Сюй Бао-хуа, Маято Итиро 1999, т. 2, с. 2084).

Наши словари отражают также китайские слова, проникшие в местную русскую разговорную лексику (см. Краткий словарь местных форм забайкальского наречия в Приложении), но таких заимствований в кяхтинском пиджине немного.

Исследователи кяхтинского пиджина прежде неоднократно отмечали наличие в нем монгольских заимствований, что подтверждает лексика наших словарей, в них встречаются и уже давно подмеченные гибридные формы, представляющие собой сочетания русских глагольных основ с монгольским суффиксом причастия не прошедшего времени *-ху* (< *-qu*): ‘пиху’ (пить), ‘кушаху’ (есть, принимать пищу), ‘спяху’ (спать) и др. Имеются соответствия и с тунгусо-маньчжурскими языками⁵⁴.

Грамматические особенности. В отличие от лексического состава кяхтинского пиджина его грамматическую основу составляет китайский язык. Наиболее ярким проявлением этой особенности является использование характерного для китайского языка порядка слов в предложении, в частности, вопроса в утвердительно-отрицательной форме (*фаньфу вэньцзюй* 反復問句).

地未力念未力 *tí vei-liǎ² nie vei-liǎ²* (*ди вэйли не вэйли*) ‘ты верь не верь (хочешь верь, хочешь нет)’ 你信不信 (*ни синь бу синь?*) (A:69b-04);
 笑文良布地念布地 *xiào wén liáng bù dì niàn bù dì* *pu-tí nie pu-tí* (*сяовэннин буди не буди*) ‘сегодня будет не будет (сегодня вернется ли)’ 今日回來不回來 (*цзиньжэ хуйлай бу хуйлай?*) (A:68a-03);
 未兒內念未兒內 *wei-ér nèi niàn wei-ér nèi* (*вэйэрнуй-невэйэрнуй*) ‘правильно или нет’ 兌不兌 (對不對) (*дуй бу дуй?*) (A:67a-05).

В качестве глагольного суффикса завершения действия в словарях используются два иероглифа 了 и 力. В шаньсийском диалекте, так же как и в стандартном китайском языке, иероглиф 了 встречается как глагольный суффикс завершения действия и как модальная частица, причем в первом случае он читается как *la²* (*ла*), во втором как *liau* (*ляо*). Почему в одних случаях в словарях пиджина используется как глагольный суффикс иероглиф 了, а в других 力 *liǎ²* (*ли*) — сказать трудно:

吐力 *pǔ²-liǎ²-va-tiǎ²* (*бэливади*) ‘плевать’ (A:27a-03, B:17a-06);
 丢了 *pǔ²-tiǎ²-liau* (*бэдиляо*) ‘потерял’ (B:05b-01);
 到了 *pǔ²-liǎ²-sau* (*бэлисао*) ‘пришёл (прибыть)’ (B:05b-02);
 完了 *kuṇ-ts‘a-la* (*гунцала*), *kuṇ-ts‘a* (*гунца*) ‘кончала, конца (закончить)’ (A:62a-02, B:05b-07);
 來了 *pǔ²-liǎ²-sau / pǔ²-liǎ²-iṅ-xəu* (*бэлисао / бэлинхоу*) ‘пришёл / приехал (прийти)’ (A:42a-02, B:05b-09);
 忘了 *tsǎ²-pu-la* (*цзэбула*) ‘забыла’ (A:44a-02, B:06a-04).

При этом 力 используется также для выражения императива:

出汗力 *pě-tiǎ²* (*бади*) ‘потей (вспотеть)’ (A:27b-01, B:17b-09);
 治力 *pǔ²-liǎ²-ts‘ṅ* (*бэлицы*) ‘полечи (вылечить)’ (A:27a-02, B:17a-05);
 放炮力 *pǔ²-li* (*бали*) ‘пали (стрелять из орудия)’ (A:64b-01);
 拉貨力 *tuǎ²-va-ér pu-vei-těi* (*дувар бувэйцзи*) ‘товар повези’ (A:65a-02, B:05b-04);
 兌賬力 *tiǎ²-lě li-sṅ* (*дила лисы*) ‘дела реши (расплачиваться)’ (B:05b-05);

⁵⁴ Здесь авторы публикации выражают особую признательность А.А. Бурькину и П.О. Рыкину за ценные дополнения.

過秤力 pə²-vei-ɛi (бэвэйси) ‘повесь (взвесить)’ (В:05а-08);
走力 pə²-xɥ-ti (бэходи) ‘походи (ходить)’ (В:06а-03).

Помимо 力 и 了, в словарях используется частица 拉 la (ла), которая, очевидно, также соответствует глагольному суффиксу завершения действия 了 стандартного китайского языка:

晴拉 pə²-luɥ-ia-sɥ-ni-lě (бэлясынила) ‘прояснила, прояснилось’ (А:17а-05, В:13а-03);
凍拉 tsə²-miau-əɣ-sɥ (цзэмяорсы), tsə²-miau-əɣ-sɥ-la² (цзэмяорсыла) ‘замёрз (замёрзнуть)’ (А:20а-01, В:13б-09);
燒拉 pə²-luɥ-zě-kə² (бэлозагэ) ‘прожёт (прожечь)’ (А:50а-05, В:09б-06);
種(腫)拉 tsə²-pu-xə² (цзэбухэ) ‘запух (вспухнуть)’ (В:17а-04).

В контактных языках, имевших хождение в Китае, вместо личных местоимений в именительном падеже использовались притяжательные местоимения. Это было свойственно английскому китайскому пиджину и креольскому языку Макао–Кантона. Известно употребление притяжательного местоимения *minha*⁵⁵ в португальском креольском и *tu* в английском китайском пиджине. Аналогичный феномен, происхождение которого, возможно, связано с эпохой Великих географических открытий, наблюдается и в кяхтинском пиджине:

местоимение 我 ‘я’ выражено как 門牙 mən-ia (мэнья) в значениях ‘моя’ (форма притяжательного местоимения женского рода ед. ч.) и ‘меня’ (форма местоимения 1-го л. родительного падежа);
你 ‘ты’ как 地白 / 地伯 ti-piə² (диби)⁵⁶ в значениях ‘тебе’ (местоимение 2-го л. дательного падежа) и ‘тебя’ (местоимение 2-го л. родительного падежа).

При этом в словарях кяхтинского пиджина используется и форма 牙 ia (я) для обозначения местоимения 1-го л. ед. ч. ‘я’, и форма 地 ti (ди) для местоимения 2-го л. ед. ч. ‘ты’.

В опубликованных на сегодняшний день материалах по сибирским пиджинам фиксируется наличие формы ‘твоя’ вместо ‘ты’, но 地白 ‘тебе’ не является соответствием для этой формы⁵⁷.

Форма 門牙 ‘моя’ в значении ‘я’ дважды встречается в словаре В:

門牙下克居瓦而不而代 mən-ia ɛia-k‘ə² tuə²-va-əɣ pə²-əɣ-tai (мэнья сякэ дувар бэр-дай) ‘меня всяк товар продай (у меня есть всякий товар, я продаю всякий товар) 我賣的是裸貨 (В:05а-05);
門牙杜梅念朝旺 mən-ia tu-meɪ niə-ts‘au-vě (мэнья думэй нецаова) ‘меня думай нечего (я не знаю) 我不是想甚 (В:06а-02).

⁵⁵ *Minha* — форма женского рода (моя), именно она использовалась исключительно в португальском креольском языке, хотя в самом португальском существует и форма мужского рода *meu* (мой).

⁵⁶ В этом слове иероглиф 白, так же как и 伯, читается как би [piə²], в соответствии со своей просторечной формой, но в других случаях в словарях используется его литературное чтение бай [pai], например, 告白 kaɥ-pai (гаобай) ‘копай (нарыв, чирей)’, 白煉子 pai-lie-tsɥ (байлеузы) ‘палец (белая редька)’, 古路白 ku-ləu-pai (гулоубай) ‘голубой’, 白各 pai-kə² (байгэ) ‘байка’.

⁵⁷ В наших словарях форма ‘твоя’ не зафиксирована, но позже она имела широкое употребление в сибирских пиджинах на русской основе. В материалах Хаттори Сиро, например, приведен такой диалог китайского и русского пассажиров поезда Хайлар — Харбин (ок. 1935 г.): (кит.) *tvaya kuda xodi?* (рус.) *Xarbin xodi*; (кит.) *čo delo?* (рус.) *malo-malo rokurai*; (кит.) *no kak tovaya togu?* (рус.) *malo-malo* (Хаттори Сиро 1943, с. 188–191).

В остальных случаях в словаре *B* для местоимения 1-го л. ед. ч. используется 牙 *я*.

В словаре *A* для именительного падежа местоимения также используется 牙, например:

牙地白念無扛力納/牙念比樣的 *ia ti-piə² nie u-k'ẽ-liə²-na² / ia nie pi-iẽ-tiə²* (*я дуби не укалина / я не бияди*) ‘я тебе не укарина / я не приять (я тебе не приятель)’
我不惹你 (A:48a-04);
不各日牙東木得利 *pə²-kə²-zə² ia suə²-mə²-tiə²-li* (*бэгэээ я сумэдили*) ‘покажи, я смотри (дай мне посмотреть)’ 那來我看 (A:67a-02).

Для косвенных падежей в словаре *A* используется 門牙:

地則不拉門牙 *ti tsə²-pə²-la məŋ-ia* (*ди цзэбэла мэнья*) ‘ты забыла меня (ты мне должен)’ 你賠我的 (A:49a-01);
地門牙史吓之外 *ti məŋ-ia sɿ-xa-tsɿ-vai* (*ди мэнья сыхацзывай*) ‘ты меня сказывай (сообщи мне)’ 你告與我 (A:69b-05);
地門牙念數什 *ti məŋ-ia nie su-sə²* (*ди мэнья не сусэ*) ‘ты меня не [по]слушал’ 你不聽我 (A:70a-05);
久納笑哦定利六地不兒代不失道門牙念不兒代 *teiu-na² eiau ɣx-tiŋ li liəu-ti pə²-əŋ-tai pə²-sə²-tau məŋ-ia nie pə²-əŋ-tai* (*цзюна сяо один ли люди бэрдай, бэсэдао мэнья не бэрдай*) ‘цена вся один ли люди продай, пошто меня не продай (продаёшь по одной и той же цене всем, почему мне не продашь)’ 一樣的價錢賣與人家謂甚不賣與我 (A:73a-01).

Есть случай использования 牙 и в значении притяжательного местоимения:

牙獨凹兒地未吊 *ia tuə²-va-əŋ ti vei-tiau* (*я тувар ди вэйдяо*) ‘товар ты видел (мой товар ты видел)’ 我的貨你見過 (A:70a-01).

В словарях кяхтинского пиджина очевидно не прослеживаются какие-либо закономерности для передачи родовой принадлежности слов русского языка, что объясняется отсутствием в китайском языке различия родовых форм. Но чаще используется мужской род:

哦定把兒 *ɣx-tiŋ pa-əŋ* (*один бар*) ‘одна пара’ 壹對 (B:01b-09)⁵⁸;
暮的力內勿達 *mu-tiə²-liə²-nuei və²-ta²* (*мудилинуй вэда*) ‘мутная вода’ 混水 (A:20a-03);
各怪未利坎佃洛 *kə²-kuai vei-li-k'ã t'ie-luə²* (*гэгуй вэйликэ телу*) ‘какое великое дело’ 甚的大事 (A:49a-01).

Иногда это предпочтение приобретает курьезный оттенок: слово 有了朵(孕) ‘забеременеть’, ‘беременная’ в одном из словарей транскрибируется как 不流合的 *piə²-lie-miŋ-nuei* (*билеминнуй*) (B:17b-03).

Не прослеживаются различия и по единственному и множественному числу.

⁵⁸ А.Г. Шпринцин отметил, что предпочтение формы мужского рода ‘один’ было связано с соображениями фонетического характера, так как в женском и среднем роде имеется трудное для китайского восприятия сочетание *дн* (Шпринцин А.Г. Китайско-русский диалект на Дальнем Востоке // ОР РНБ, Ф. 1200, ед. хр. 12, л. 3). См. также на с. 45 о замене сочетания *-дня* на *-ня*.

Словари кяхтинского пиджина, составлявшиеся китайскими обитателями Маймаичена для общения с русскими, ценны прежде всего тем, что позволяют реконструировать язык русско-китайской границы XVIII–XIX вв. Они дают представление о фонетических и грамматических особенностях этого контактного языка, отражают местный колорит пров. Шаньси, а также Сибири и Забайкалья. Авторы публикации надеются, что вводимый в оборот материал привлечет внимание специалистов и станет объектом дальнейшего исследования.

Список использованной литературы

На русском языке

- Азадовский 2006 — *Азадовский М.К.* Восточносибирские сказки. Сказки Верхнеленского края. Сказки из разных мест Сибири. Ленские причитания. СПб.: Тропа Троянова, 2006.
- Александров 1884 — *Александров А.* Маймачинское наречие // Русский филологический вестник. 1884. Т. XII, № 3. С. 160–163.
- Алексеев 1941 — *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ, Иркутское областное изд-во, 1941.
- Аникин 1990 — *Аникин А.Е.* Тунгусо-маньчжурские заимствования в русских говорах Сибири / Отв. ред. В.И. Рассадин. Новосибирск: Наука, 1990.
- Аникин 2000 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- Арсеньев 1983 — *Арсеньев В.К.* По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Правда, 1983.
- Артемьев 1999 — *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002.
- Беликов 1997 — *Беликов В.И.* Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект / Сост. А.И. Кузнецова и др. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 90–108.
- Бичурин 1829 — *Бичурин Н.Я.* Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. I, II. СПб.: Типография Карла Крайя, 1829.
- Бичурин 1831 — [*Бичурин Н.Я.*] Письмо из Кяхты // Московский телеграф. 1831, ноябрь. № 21. С. 141–144.
- Бичурин 1835 — *Бичурин Н.Я.* 漢文啓蒙 Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика. СПб.: Литография Гемильяна, 1835.
- Булич 1896 — С. Б-ч [*Булич С.К.*] Маймачинское наречие // Энциклопедический словарь: [в 82 тт. с 4 доп. тт.]. Т. XVIII^a (35): Лопари — Малолетние преступники / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1896.
- Бурнашев 1833 — *Бурнашев В.П.* Очерк истории мануфактур в России. СПб.: Тип. Н. Греча, 1833.
- Бухарева 1983 — *Бухарева Н.Т.* Сибирская лексика и фразеология. Новосибирск: Наука, 1983.
- Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б.Я.* О двух смешанных языках Западной Монголии // Яфетический сборник = Recueil Japhétique. [Вып.] II. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1923. С. 32–52.
- Волкова 1963 — *Волкова М.П.* Первый учебник русского языка для китайских учащихся // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. LXI. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 154–157.
- Врубель 1931 — *Врубель С.А.* Русско-китайские языковые скрещения // Культура и письменность Востока. 1931. № 7–8. С. 131–140.

- Вторая камчатская экспедиция 2013 — Вторая камчатская экспедиция. Документы 1737–1738. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П.У. Мёллер. СПб.: Нестор-История, 2013. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов; IX).
- Генко 1923 — *Генко А.Н.* К вопросу о языковом скрещении // Яфетический сборник = *Recueil Japhétique*. [Вып.] II. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1923. С. 120–136.
- Георгиевский 1927 — *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке. Вып. 2: Вопрос о русских говорах побережья залива Петра Великого. (С приложением 10 анкет) = *Gueorguievsky A.P. Les Russes à l'Extrême-Orient. Livr. 2: Sur les idiomes Russes du littoral du golfe de Pierre le Grand.* Владивосток: Типография Государственного Дальневосточного Университета, 1927. (Труды Государственного Дальневосточного университета. Серия III; № 6).
- Гурулев 1992 — *Гурулев С.А.* Звери и птицы Сибири: происхождение названий. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992.
- Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Русский язык, 1978.
- Дацышен 2008 — *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2008.
- Древнетюркский словарь 1969 — *Древнетюркский словарь* / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969.
- Единархова 1996а — *Единархова Н.Е.* О чае и чайной торговле // *Земля Иркутская*. 1996. № 5. С. 16–18.
- Единархова 1996б — *Единархова Н.Е.* Русские купцы в Монголии // *Восток*. 1996. № 1. С. 76–89.
- Единархова 2000 — *Единархова Н.Е.* Торговля Российско-американской компании с Китаем через Кяхту // *Земля Иркутская*. 2000. № 12. С. 10–11.
- Жиров 2005 — *Жиров А.А.* Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // *Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст.* Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 139–172.
- Жиров 2000 — *Жиров А.А.* Чайный путь и Кяхта // *Земля Иркутская*. 2000. № 12. С. 66–72.
- Иванцова 2007 — *Иванцова Е.В.* Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. Томск: Томский государственный ун-т, 2007.
- Извлечение из протоколов 1853 — Извлечение из протоколов Второго Отделения Императорской академии наук: за апрель 1853 года; за май 1853 года // *Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности*. Т. II. Вып. 6. СПб.: В Типографии Императорской академии наук, 1853. Стб. 202–208.
- Китайская живопись 1867 — *Китайская живопись* // *Записки Сибирского отдела Императорского географического общества*. Кн. IX и X / Под ред. Н.И. Кашина. 1867. С. 592–598.
- Клапрот 1816 — [*Клапрот Ю.Г.*] Описание Кяхты. (Из путешествия Г. Клапрота) / Пер. А. М. [А.Е. Мартынова] // *Сын Отечества: Исторический, политический и литературный журнал*. 1816. Ч. 33. № XLI. С. 81–104; № XLII. С. 121–135.
- Климов 1978 — *Климов А.П.* Город Кяхта. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1978.
- Колониальная политика 1936 — Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Сборник документов / Под ред. Б.Д. Грекова; вст. ст. И.М. Троцкого. Л.: Изд-во Института народов Севера, 1936.
- Корсак 1857 — *Корсак А.К.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857.
- Краткий очерк 1896 — Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту / Издание кяхтинского купечества. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и др., 1896.
- Крит 1862 — *Крит Н.К.* Будущность кяхтинской торговли. СПб.: Типография Артиллерийского департамента В.М., 1862.
- Крит 1864 — *Крит Н.К.* Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле. СПб.: Типография В.Н. Майкова, 1864.
- Курто 2013 — *Курто О.И.* Русский мир в Китае: Исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М.: Наука — Вост. лит., 2013.

- Кюнер 1913 — *Кюнер Н.В.* Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. (Речь, произнесенная на торжественном акте в Восточном институте 22-го февраля 1913 года по случаю трехсотлетия дома Романовых). Владивосток: Тип. и цинкография «Далекая окраина», 1913.
- Кяхта 1990 — Кяхта. Памятники истории и культуры. Путеводитель / Сост. Е.Е. Попова, А.В. Васильев. М.: ВРИБ «Союзрекламкультура», 1990.
- Лалин 2015 — *Лалин П.А.* «Китайский плутовской устав», или Секретная инструкция китайским пограничным властям о ведении торговых дел с Россией (первая половина XVIII — вторая половина XIX в.) // Общество и государство в Китае: 45-я научная конференция. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 625–637.
- Лувсандэндэв 1957 — Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
- Лю Цзай-ци 2011 — *Лю Цзай-ци.* Чайная торговля между Китаем и Россией // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. 2009–2010 / Под. ред. акад. В.С. Мясникова. М.: Вост. лит., 2011. С. 75–84.
- Майоров 2011 — *Майоров А.П.* Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь, Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011.
- Максимов 1871 — *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. В 3-х ч. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.
- Максимов 1909 — *Максимов С.В.* На Востоке // Собрание сочинений. Т. 12. СПб.: Типоли-тография товарищества «Просвещение», 1909.
- Мартос 1827. — *Мартос А.И.* Письма о Восточной Сибири. М.: В Университетской типо-графии, 1827.
- Мартынов 1819 — *Мартынов А.Е.* Живописное путешествие от Москвы до китайской гра-ницы. СПб.: Типография Александра Плюшара, 1819.
- Мичи 1868 — *Мичи А.* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. С прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Мака и др. / Пер. с нем. Н. Ольхина. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1868.
- Мусорин 2004 — *Мусорин А.Ю.* Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2004. С. 79–86.
- Мясников 2006 — *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 1. М.: Вост. лит., 2006.
- Носков 1862 — *Носков И.А.* О чайной кяхтинской торговле. СПб.: Акционер, 1862.
- Об открытии училища 1835 — Об открытии училища китайского языка в Кяхте // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 6. Отд. 3. С. 567–569.
- Обручев 1940 — *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Оглезнева 2007 — *Оглезнева Е.А.* Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке: особен-ности функционирования и языковая специфика // Известия Российской академии наук. Сер. Литературы и языка. 2007. Т. 66, № 4 (июль-август). С. 35–52.
- Оглезнева 2009 — *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале рус-ской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский государственный ун-т, 2009.
- Ожегов 1960 — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. М., 1960.
- Осокин 1895 — *Осокин Г.М.* Материалы для этнографии западного Забайкалья. Иркутск: Типоли-тография П.И. Макушина, 1895.
- Осокин 1906 — *Осокин Г.М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906.
- Отгонбаатар, Цендина 2014 — *Отгонбаатар Р., Цендина А.Д.* Образцы письменной тради-ции Северной Монголии. Алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI — начало XX в.). М.: Наука — Вост. лит., 2014.
- Паллас 1788 — Петра Симона Палласа, ... Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина первая. 1772 и 1773 годов / Перевел Василий Зуев. СПб.: При Императорской Академии наук, 1788.
- Панин 1955 — *Панин Л.Г.* Лексика западносибирской деловой письменности. XVII — пер-вая половина XVIII в. Новосибирск: Наука, 1955.

- Панин 1991 — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. Новосибирск: Наука, 1991.
- Перехвальская 2006 — *Перехвальская Е.В.* Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006.
- Перехвальская 2008 — *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008.
- Перехвальская 2014а — *Перехвальская Е.В.* Исследования по русским пиджинам: Сборник статей. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014.
- Перехвальская 2014б — *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Перехвальская, словарь. — *Перехвальская Е.В.* Словарь сибирского пиджина // *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 439–480.
- Петунова 1994 — *Петунова Н.* Памятники Кяхты исторической // Байкал. 1994. № 3. С. 4–8.
- Полный словарь сибирского говора — Полный словарь сибирского говора. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. Т. 1; 1993. Т. 2 / Гл. ред. О.И. Блинова; 1993. Т. 3; 1995. Т. 4.
- Полянская 2004 — *Полянская О.Н.* О.М. Ковалевский в Забайкалье, Монголии и его путешествие с духовной миссией в Китай // Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие. Казань: АЛМА-ЛИТ, 2004. С. 139–164.
- Пономарева 2015 — *Пономарева С.А.* «Новый» документ о посольстве графа Ю.А. Головкина в Китай в 1805 г. // Уральское востоковедение: Международный альманах = Ural Survey of Oriental Studies. Вып. 6. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. С. 242–260.
- Попова, Цыбикаров 2003 — *Попова Е.Е., Цыбикаров А.Д.* История Кяхтинского краеведческого музея им. Академика В.А. Обручева и его естественнонаучного собрания (1890–1990). Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003.
- Пясецкий 1880 — *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай). В 2-х т. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880.
- Радищев 1811 — *Радищев А.Н.* Письмо о китайском торге 1792 года // Собрание оставшихся сочинений. Т. 6. М.: Типография Платона Бекетова, 1811. С. 65–167.
- Русско-китайские отношения 1958 — Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Сост. П.Е. Скачков и В.С. Мясников. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
- Русско-китайский язык 1864 — Русско-китайский язык // Санкт-Петербургские ведомости. 1864. № 225.
- Русско-китайское наречие 1854 — Русско-китайское наречие // Лучи: Журнал для девиц. Г. 5. Т. IX. № 3. СПб.: Типография Якова Трея, 1854. С. 212–215.
- Силин 1947 — *Силин Е.П.* Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: ОГИЗ, Иркутское областное изд-во, 1947.
- Скачков 1977 — *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
- Сладковский 1957 — *Сладковский М.И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957.
- Сладковский 1974 — *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, ГРВЛ, 1974.
- Словарь говоров старообрядцев 1999 — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Сост. Т.Б. Юмсунова, А.П. Майоров, Н.А. Дарбанова, М.Б. Матанцева, И.Ж. Степанова, Е.И. Тынтуева, О.М. Козина; Под. ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН, 1999.
- Словарь народно-разговорной речи г. Томска 2001 — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001.
- Словарь русских народных говоров — Словарь русских народных говоров / Ин-т русского языка АН СССР — ИЛИ РАН. Вып. 1–43. М.; Л. (СПб.): Наука, 1963–2010.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–1996.

- Словарь русской народно-диалектной речи — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин; Отв. ред. В.В. Палагина, К.А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, 1991.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1–2. Л.: Наука, 1975–1977.
- Стахеев 1870 — *Стахеев Д.И.* От Китая до Москвы. История ящика чаю. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1870.
- Стахеев 1994 — *Стахеев Д.И.* Кяхта. Записки моего знакомого // Байкал. 1994. № 3. С. 99–124. — Впервые опубликовано: Русское слово. 1865. № 9 (сентябрь). Отд. 1. С. 273–295.
- Субботин 1892 — *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб.: Издание А.Г. Кузнецова, Типография Северного телеграфного агентства, 1892.
- Сычевский 1875 — *Сычевский Е.И.* Историческая записка о китайской границе. Сообщает В.Н. Баснин. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1875.
- Тимковский 1824 — *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. С картою, чертежами и рисунками. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Мед. департамента министерства внутренних дел, 1824.
- Товарная энциклопедия 1927 — Товарная энциклопедия / Сост. под ред. В.Р. Вильямса и Ф.В. Цереветинова. М.: Экономическая жизнь, 1927.
- Трусевиц 1882 — *Трусевиц Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М.: Типография Малинского, 1882.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Флуг 1935 — *Флуг К.К.* Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения АН СССР // Библиография Востока. 1934 (1935). Вып. 7. С. 87–92.
- Хохлов 1982 — *Хохлов А.Н.* Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. — 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 99–147.
- Хохлов 1989 — *Хохлов А.Н.* Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. — середина XIX в.) // Бурятия XVII — начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Сборник научных трудов / Отв. ред. Н.В. Ким. Новосибирск: Наука, 1989. С. 15–50.
- Хохлов 1991 — *Хохлов А.Н.* Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М.: Вост. лит., 1993. С. 197–229.
- Хохлов 2015 — *Хохлов А.Н.* Китайские товары на Ирбитской ярмарке во второй половине XIX — начале XX в. // Общество и государство в Китае: 45-я научная конференция. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 645–652.
- Черепанов 1853 — *Черепанов С.И.* Кяхтинское китайское наречие русского языка // Известия Имп. Академии наук по Отделению рус. языка и словесности. Т. II. Вып. 10. СПб., 1853. С. 370–377.
- Черникова 2014 — *Черникова Л.* Проблемы изучения русского языка в Китае // Диаспоры. 2014. № 1. С. 6–63.
- Чимитдоржиев 1987 — *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, ГРВЛ, 1987.
- Чукотско-русский словарь 1957 — *Молл Т.А., Инэнликэй П.И.* Чукотско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1957.
- Шпринцин 1932 — *Шпринцин А.Г.* Проблема китайско-русского диалекта в освещении С.А. Врубеля // Революция и письменность. 1932. № 1–2 (11–12). С. 103–113.
- Шпринцин 1968 — *Шпринцин А.Г.* О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. VI. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 86–100.
- Шрейдер 1897 — Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). С 36-ю рисунками в тексте и картою Уссурийского края. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, [1897]. С. 68–80.

- Шухарт 1884 — *Шухарт Г. = Schuhardt H.* Маймайчинское наречие // Русский филологический вестник. 1884. Т. XII. № 4. С. 318–320.
- Щитова 2008 — *Щитова О.Г.* Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века. Томск: Томский государственный пед. ун-т, 2008.
- Элиасов 1980 — *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
- Эрман 1832 — *Эрман Д.* Отрывки из дневника путешественника по Сибири // Северная пчела. 1832. 13 и 14 июня.
- Ян Цзе 2007 — *Ян Цзе.* Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67–74.
- Яхонтов 1994 — *Яхонтов К.С.* Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994 (Сер. Архив российского востоковедения).

На европейских языках

- Ansaldo, Matthew, Smith 2012 — *Ansaldo U., Matthew S., Smith G.* China Coast Pidgin: Texts and contexts // *Pidgins and Creoles in Asia*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 59–90. (Benjamins Current Topics; Vol. 38).
- Avery 2003 — *Avery M.* The Tea Road. China and Russia Meet across the Steppe. Beijing: China Intercontinental Press, 2003.
- Hall 1944 — *Hall R.A., Jr.* Chinese Pidgin English Grammar and Texts // *Journal of the American Oriental Society*. 1944. Vol. 64. No. 3 (July–September). P. 95–113.
- Jabłońska 1957 — *Jabłońska A.* Język mieszany chińsko-rosyjski w Mandżurii // *Przegląd Orientalistyczny*. Nr. 2(22). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. P. 157–168.
- Klaproth 1809 — [*Klaproth J.*] Die Russische Gesandtschaft nach China im Jahr 1805. Non cuius homini contigit adire Corinthum. Nebst einer Nachricht von der letzten Christen-Verfolgung in Peking. St. Petersburg: Im Ziemenschen Verlage; Leipzig: In Commission bey Bruder und Hofmann, 1809. — Neue Ausgabe. Elderfeld: Büschler, 1817.
- Klaproth 1810 — *Klaproth J.* Bemerkungen über die Chinesisch-Russische Gränze, gesammelt auf einer Reise an derselben, im Jahre 1806 // *Archiv für asiatische Litteratur, Geschichte und Sprachkunde*. Bd. II / Verfasst von Julius von Klaproth; Hrsg. auf Befehl der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg: Im Akademischen Verlage, 1810. S. 159–224.
- Klaproth 1824 — *Klaproth J.* De la frontière russe et chinoise. Notes recueillies pendant un voyage en Sibérie en 1806 // *Mémoires relatifs à l'Asie: contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient: Ouvrage orné d'une carte de L'Archipel Potocki, et de trois autres planches / Par M.J. Klaproth, Membre du Conseil de la Société Asiatique de Paris*. Paris: A la Librairie Orientale de Dondey-Dupré père et fils, Imp.-Lib. de la Société Asiatique, M DCCC XXIV [1824]. P. 1–80. — Расширенное изд. в 3-х т.: Paris, M DCCC XXVI [1826]. Tome 1. P. 1–80.
- Language Atlas of China 2012 — *Language Atlas of China 中國語言地圖集*. 2nd edition. Beijing: The Commercial Press 商務印書館.
- Leland 1876 — *Leland Ch. G.* Pidgin-English Sing-Song or Songs and Stories in the China-English Dialect. With a Vocabulary. London: Trübner & Co., 1876.
- Neumann 1966 — *Neumann G.* Zur chinesisch-russischen Behelfssprache von Kjachta // *Die Sprache: Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. Bd. XII, H. 2. 1966. [Wien]: Verlag der Wiener Sprachgesellschaft; Wiesbaden: Otto Harrassowitz (Kommissionsverlage); Wien: Gerold & Co. (Kommissionsverlage), 1966. S. 237–251.
- Nichols 1980 — *Nichols J.* Pidginization and Foreigner Talk: Chinese Pidgin Russian // *Papers from the 4th International Conference on Historical Linguistics / Edited by E.C. Traugott, R. Labrum and S.C. Shepherd*. Amsterdam: John Benjamins B.V., 1980. P. 397–407 (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series IV: Current Issues in Linguistic Theory; Vol. 14).

- Nichols 1986 — *Nichols J.* The Bottom Line: Chinese Pidgin Russian // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / Edited by W. Chafe, J. Nichols. Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 239–257 (Advances in Discourse Processes; Vol. XX).
- Pallas 1771, 1773, 1776 — *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs. Theil 1–3. St. Petersburg: Gedruckt bey der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1771–1776.
- Pelliot 1932 — *Pelliot P.* Sur quelques manuscrits sinologiques conservés en Russie // T'oung Pao. Année 1932. Vol. XXIX. № 1–3. Leide: Librairie et Imprimerie ci-devant E.J. Brill S. A., 1932. P. 104–109.
- Shapiro 2010 — *Shapiro R.* Chinese Pidgin Russian // Journal of Pidgin and Creole Languages. 2010. Vol. 25. Issue 1: Pidgins and Creoles in Asian Contexts. P. 5–62.
- Shapiro 2012 — *Shapiro R.* Chinese Pidgin Russian // Pidgins and Creoles in Asia. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 1–58 (Benjamins Current Topics; Vol. 38).
- Sladkovskii 2008 — *Sladkovskii M.I.* History of Economic Relations between Russia and China: From Modernization to Maoism. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2008. — Перевод. англ. пер. 1966 г.; рус. изд.: Сладковский 1957.
- Stern 2002 — *Stern D.* Russische Pidgins // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang XLVII. München: Verlag Otto Sagner, 2002. S. 1–30.
- Stern 2005 — *Stern D.* Myths and facts about the Kyakhta Trade Pidgin // Journal of Pidgin and Creole Languages. 2005. Vol. 20. Issue 1: Creole Language in Creole Literatures. P. 175–187.
- Walravens 2005 — *Walravens H.* Paul S. Frhr. v. Canstadt // Neue Deutsche Biographie. Bd. 22: Rohmer — Schinkel. Berlin: Duncker & Humblot, 2005. S. 768–769.
- Walravens 2006 — *Walravens H.* Julius Klaproth: His Life and Works with Special Emphasis on Japan // Japonica Humboldtiana: Yearbook of the Mori Ôgai Memorial Hall Berlin Humboldt University. Vol. 10 (2006). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. P. 177–191.
- Wurm 1992 — *Wurm S.A.* Some Contact Languages and Pidgin and Creole Languages in the Siberian Region // Language Sciences. Vol. 14. No. 3 (1992, July). Oxford; New York; Seoul; Tokyo: Pergamon Press, 1992. P. 249–285.

На китайском и японском языках

- Ван Хуа-юнь 2007 — *Ван Хуа-юнь* 汪化雲. Фаньянь юаньчжи дайцы “ме, у” ды цыдянь 方言遠指代詞“也、兀”的詞源 [Этимология диалектных указательных местоимений *ме* и *у*] // Ханьцзы вэньхуа 漢字文化 [Культура китайской письменности]. 2007. № 4. С. 50–52.
- Ван Чжи-жэнь 2001 — *Ван Чжи-жэнь* 王智仁. Цин дай Нэйгэ Елосы вэньгуань чжи яньцзю 清代內閣俄羅斯文館之研究 [Школа китайского языка при Нэйгэ в период Цин] // Даны-цзян дасюэ Элосы яньцзюсо шоши луньвэнь 淡江大學俄羅斯文研究所碩士論文 [Диссертация магистра Института России Тамканского университета]. Тайбэй 臺北, 2001.
- Лю Фу, Ли Цзя-жуй 1930 — *Лю Фу* 劉復, *Ли Цзя-жуй* 李家瑞. Сун Юань илай суцзы пу 宋元以來俗字譜 [Таблица простонародных форм иероглифов, вошедших в употребление начиная с периодов Сун и Юань]. Бэйпин 北平: Институт истории и филологии, Академия Синика 歷史語言研究所, 1930.
- Лю Цзинь-пин 2001 — *Лю Цзинь-пин* 劉錦萍. Юйцы Чан цзя юй Чжун Э чае чжи лу ды синшуй 榆次常家與中俄茶葉之路的興衰 [Клан Чан из Юйцы и судьба Чайного пути из Китая в Россию] // Цзиньян сюэкань 晉陽學刊. 2001. № 6. С. 92–96.
- Пан И-цай, Цюй Шао-мяо 1983 — *Пан И-цай* 龐義才, *Цюй Шао-мяо* 渠紹森. Лунь Цин дай Шаньси тобан ды дуй Э маои 論清代山西駝幫的對俄貿易 [О верблюжьей караванной торговле из Шаньси в Россию в эпоху Цин] // Цзиньян сюэкань 晉陽學刊. 1983. № 4. С. 12–21.
- Сюй Бао-хуа, Мията Итиро 1999 — Ханьюй фаньянь да цыдянь 漢語方言大詞典 [Большой словарь диалектов китайского языка]. В 5 т. / Под ред. Сюй Бао-хуа 許寶華, Мията Итиро 宮田一郎. Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1999.
- Сяньдай ханьюй цыдянь 1978 — Сяньдай ханьюй цыдянь 現代漢語詞典 [Словарь современного китайского языка]. Пекин 北京: Шанью иньшугуань 商務印書館, 1978.

- Тайюань фаньянь цыдянь 1994 — Тайюань фаньянь цыдянь 太原方言詞典 [Словарь тайюаньского диалекта] / Под ред. Ли Жуна 李榮; Сост. Шэнь Мин 沈明. Нанкин 南京: Цзянсу цзяоюй чубаньшэ 江蘇教育出版社, 1994. (Сер. Большой словарь современных диалектов китайского языка 現代漢語方言大詞典).
- Темоле 2009 — Темоле 忒莫勒. Цун люймэншан ды лецзи кань цзиньшан яньцзю цзи сикоу вэньхуа яньцзю чжун ды пянью 從旅蒙商的劣跡看晉商研究及西口文化研究中的偏謬 [О злодеяниях шаньсийских торговцев в Монголии, а также о неточностях в изучении культуры их деятельности к западу от Китая] // *Quæstiones Mongolorum disputatæ* (QMD). No. 5. Токуо: Association for International Studies of Mongolian Culture, 2009. С. 120–132.
- Терада Таканобу 1986 — Терада Таканобу 寺田隆信. Шаньси шанжэнь яньцзю 山西商人研究 [Исследование шаньсийского купечества] / Пер. Чжан Чжэньмина 張正明, Дао Фэна 道豐, Сунь Яо 孫耀, Янь Шоучэна 閻守誠. Тайюань 太原: Шаньси жэньминь чубаньшэ 山西人民出版社, 1986.
- Ханьюй фаньянь цзыхуй 1989 — Ханьюй фаньянь цзыхуй 漢語方言字彙 [Словарь диалектов китайского языка] / Издание кафедры языкознания филологического факультета Пекинского ун-та 北京大學中國語言文學系語言學教研室編. 2-е изд. Пекин 北京: Вэньцзы гайгэ чубаньшэ 文字改革出版社, 1989.
- Хаттори Сиро 1943 — Хаттори Сиро 服部四郎. Мбо то соно гэнго 蒙古とその言語 [Монголия и ее язык]. Токио 東京: Юкава кобункан 湯川弘文館, 1943.
- Хоу Цзин-и 1995 — Хоу Цзин-и 侯精一. Пиньяо фаньянь миньсу яньхуй 平遙方言民俗語匯 [Простонародная лексика пиньяоского диалекта]. Пекин 北京: Юйвэнь чубаньшэ 語文出版社, 1995.
- Хоу Цзин-и 1999 — Хоу Цзин-и 侯精一. Лунь цзинь юй ды гуйшу 論晉語的歸屬 [О диалектной принадлежности цзинь] // Хоу Цзин-и. Сяндай цзиньюй ды яньцзю 現代晉語的研究 [Новейшие исследования цзиньского диалекта]. Пекин 北京: Шанью иньшугуань 商務印書館, 1999. С. 1–13.
- Хоу Цзин-и, Вэнь Дуань-чжэн 1993 — Шаньси фаньянь дяоча яньцзю баогао 山西方言調查研究報告 [Доклад об исследовании шаньсийского диалекта] / Под ред. Хоу Цзин-и 侯精一, Вэнь Дуань-чжэна 溫端政. Тайюань 太原: Шаньси гаосяо лянхэ чубаньшэ 山西高校聯合出版社, 1993.
- Хуан Цзянь-хуй 2002 — Хуан Цзянь-хуй 黃鑾暉. Мин Цин Шаньси шанжэнь яньцзю 明清山西商人研究 [Исследование шаньсийского купечества периодов Мин и Цин]. Тайюань 太原: Шаньси цзинцзи чубаньшэ 山西經濟出版社, 2002.
- Цзиньшан шилиао цюаньлань 2006 — Цзиньшан шилиао цюаньлань 晉商史料全覽 [Полное собрание источников по истории шаньсийского купечества]. Цзиньчжун цюань 晉中卷 [Вып.: Округ Цзиньчжун]. Тайюань 太原: Шаньси жэньминь чубаньшэ 山西人民出版社, 2006.
- Цяо Цюань-шэн 2000 — Цяо Цюань-шэн 喬全生. Цзинь фаньянь юйфа яньцзю 晉方言語法研究 [Исследование грамматики цзиньского диалекта]. Пекин 北京: Шанью иньшугуань 商務印書館, 2000.
- Цяо Цюань-шэн 2008 — Цяо Цюань-шэн 喬全生. Цзинь фаньянь юйиньши яньцзю 晉方言語音史研究 [Исследование фонологии цзиньского диалекта]. Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2008.